

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

В ЛОГОВЕ ЛЬВОВ

Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.

Кен Фоллетт

В логове львов

«АСТ»

1985

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

В логове львов / К. Фоллетт — «АСТ», 1985 — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.)

ISBN 978-5-17-107975-8

1981 год, Париж. Начинающий поэт Эллис Талер влюблен в студентку Джейн, и та отвечает ему взаимностью. Врач Жан-Пьер тоже влюблен в Джейн, но пока безрезультатно. Эллис и Джейн вскоре ссорятся, Эллис вынужден вернуться в США, а Джейн выходит замуж за Жан-Пьера. Кажется, что это простая любовная история. Но на самом деле... Эллис Талер – агент ЦРУ, один из лучших оперативников, специализирующийся на поимке террористов. Жан-Пьер – французский коммунист, недавно завербованный КГБ для работы среди афганских моджахедов. А Джейн... просто феминистка, но и этого достаточно для патриархального Афганистана, где она через год окажется с молодым мужем...

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107975-8

© Фоллетт К., 1985

© АСТ, 1985

Содержание

Часть первая. 1981 год	6
Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	27
Часть вторая. 1982 год	34
Глава четвертая	34
Глава пятая	53
Глава шестая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кен Фоллетт

В логове львов

Ken Follett
Lie Down With Lions

© Ken Follett, 1985

© Перевод. И. Моничев, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Барбаре

Часть первая. 1981 год

Глава первая

Люди, пожелавшие прикончить Ахмета Йильмаза, были настроены очень серьезно. Турецкие студенты в изгнании, они жили в Париже и уже убили атташе посольства Турции, а также бросили зажигательную бомбу в дом высокопоставленного сотрудника представительства «Турецких авиалиний». Йильмаза они избрали своей следующей целью, потому что он принадлежал к числу состоятельных сторонников военной диктатуры и очень кстати для них тоже поселился в Париже.

Его дом и офис надежно охранялись, а ездил он в роскошном бронированном «Мерседесе», но, как полагали студенты, каждый человек имел свою слабость, причем обычно такой слабостью был секс. В случае с Йильмазом они оказались правы. Несколько дней не слишком затруднительного наблюдения позволили установить, что два или три раза в неделю Йильмаз уезжал из дома за рулем «Рено»-универсала, который обычно использовала прислуга для доставки продуктов, и отправлялся в один из незаметных переулков Пятнадцатого округа с визитом к влюбленной в него молодой красавице-турчанке.

Студенты решили подложить в «Рено» бомбу, пока Йильмаз проводил время в постели любовницы.

Они знали, где добыть взрывчатку: у Пепе Гоцци – одного из многочисленных сыновей «крестного отца» корсиканской мафии Меме Гоцци. Пепе торговал оружием. Продать его он мог кому угодно, но отдавал предпочтение политически мотивированным клиентам, потому что, как сам с веселым цинизмом признавал, «идеалисты готовы платить больше». Он помог турецким студентам совершить оба предыдущих террористических акта.

Но план подрыва автомобиля не был лишен и некоторых сложностей. Обычно Йильмаз уезжал от возлюбленной один в том же «Рено», но далеко не всегда. Порой он отправлялся с ней вместе ужинать в ресторан. А еще чаще она сама брала машину, чтобы через полчаса вернуться с запасом хлеба, фруктов, сыра, вина, явно собираясь устроить милую домашнюю трапезу. Случалось, кроме того, что Йильмаз возвращался домой на такси, и девушка одалживала у него «Рено» на день-другой. Студенты, подобно многим террористам, были романтиками, и им претила мысль об убийстве красивой женщины, чье единственное и вполне простительное преступление состояло в любви к мужчине, не достойному ее привязанности.

Они обсудили создавшуюся проблему, соблюдая каноны демократизма. Все решения принимались ими после общего голосования. Лидера в своем кругу они не признавали, но все же среди них выделялся один человек, сила личности которого делала его фигурой доминирующей. Звали его Рахми Коскун. Это был привлекательный и пылкий молодой мужчина с густыми усами и с тем блеском в глазах, что выдает яростное желание прославиться. Именно его энергия и целеустремленность помогли довести до конца два предшествующих покушения, несмотря на все проблемы и связанный с ними риск. Рахми предложил посоветоваться со специалистом по бомбам.

Поначалу остальным его идея не пришлась по душе. Кому можем мы доверять? – задавались они вопросом. Рахми назвал Эллиса Талера, американца, называвшего себя поэтом, но на самом деле зарабатывавшего на жизнь уроками английского языка. Экспертом по взрывчатке он стал, когда его призвали воевать во Вьетнаме. Рахми знал его уже год или чуть больше: они оба работали на недолго просуществовавшую революционную газету «Хаос», вместе организовывали поэтические вечера для сбора средств в пользу Организации освобождения Палестины. Казалось, Эллис искренне разделял горячее возмущение Рахми тем, что творилось в

Турции, и его ненависть к варварам, ответственным за это. Некоторые другие студенты тоже были шапочно знакомы с Эллисом, считая его то ли выпускником университета, то ли молодым преподавателем. И все же им не хотелось привлекать к делу человека без турецких корней, но Рахми проявил настойчивость и в итоге добился согласия своих товарищей.

Эллис сразу же нашел, как им устранить возникшую сложность. Бомбу необходимо снабдить радиоуправляемым взрывным устройством, объяснил он. Рахми расположится у окна дома напротив квартиры девушки или же в машине, припаркованной на той же улице, наблюдая за «Рено». В руке он будет держать портативный радиопередатчик размером с пачку сигарет – такими пультами пользуются, чтобы открывать автоматические ворота гаражей. Если Йильмаз сядет в «Рено» один, как происходило чаще всего, Рахми нажмет кнопку на пульте, радиосигнал активирует взрыватель бомбы, и она рванет при попытке Йильмаза запустить двигатель. Но если автомобилем воспользуется девушка, Рахми кнопки не тронет, и юная красавица поедет по своим делам, пребывая в блаженном неведении об опасности. Бомба не причинит никакого вреда, пока она не активирована.

– Не нажмешь на кнопку, взрыва не последует, – сказал Эллис.

Рахми идея понравилась, и он спросил Эллиса, сможет ли он совместно с Гоцци изготовить такую бомбу.

– Разумеется, – ответил Эллис.

Но выявилась еще одна загвоздка.

– У меня есть друг, – сказал Рахми, – который хотел бы встретиться с вами обоими, с тобой и с Пепе. Если начистоту, вам *обязательно нужно* познакомиться с ним, иначе мы ничего не сможем сделать, потому что именно этот друг дает нам деньги на взрывчатку, на оружие, на автомобили, на взятки чиновникам и на все прочее.

– Зачем ему понадобилось встречаться с нами? – в один голос поинтересовались Эллис и Пепе.

– Он пожелал убедиться, что бомба сработает, и ему необходимо удостовериться, может ли он вам доверять, – извиняющимся тоном объяснил Рахми. – Вам нужно только принести ему бомбу, продемонстрировать принцип ее действия, пожать ему руку и позволить посмотреть вам в глаза. Разве это чрезмерные требования для человека, который дает нам возможность осуществить задуманное?

– Я не возражаю, – сказал Эллис.

Пепе колебался. Он, конечно, хотел получить деньги, причитавшиеся ему от сделки, – он всегда тянулся к деньгам, как свинья тянется к корыту, – но терпеть не мог встреч с незнакомыми людьми.

Эллис вразумил его.

– Послушай, – заметил он, – такие вот студенческие группировки расцветают и увядают, как мимоза весной, и Рахми наверняка уже скоро потерпит крах. Но если ты сведешь знакомство с его «другом», то сможешь продолжать успешный бизнес и потом, когда Рахми не станет.

– Ты прав, – отозвался Пепе, не отличавшийся особым умом, но легко усваивавший деловые принципы, если ему их объясняли просто.

Эллис уведомил Рахми о согласии Пепе на встречу, и Рахми организовал randevu для них троих, назначив его на ближайшее воскресенье.

* * *

Тем утром Эллис проснулся в постели Джейн. Он очнулся внезапно, ощущая страх, словно ему приснился кошмар. Мгновением позже он вспомнил причину своего напряженного состояния.

Посмотрел на часы. Было еще очень рано. Он мысленно вновь повторил детали разработанного плана. Если все пройдет хорошо, сегодня триумфально завершится более чем год тщательной и опасной работы. И он сможет разделить этот триумф с Джейн, при том условии, разумеется, что останется в живых до конца наступившего дня.

Он повернул голову и посмотрел на нее, сделав это осторожно, чтобы не разбудить девушку. У него дрогнуло сердце, как случалось каждый раз, когда он вновь видел ее лицо. Она лежала на спине, ее чуть вздернутый носик уставился в потолок, а темные волосы распластались по подушке, подобно взметнувшемуся крылу птицы. Он смотрел на ее большой рот, на пухлые губы, часто и жадно целовавшие его. Весеннее солнце подсветило легкий белый пушок на ее щеках – ее «бородку», как он называл его, если хотел подшутить над девушкой.

Впрочем, то был редкий момент наслаждения, когда он мог любоваться в полной безмятежности ее спокойным и лишенным какого-либо выражения лицом. Обычно оно выглядело оживленным – смеющимся, хмурым, гримасничающим, отображая то удивление, то скептицизм, то страсть или сочувствие. Но чаще всего она лукаво усмехалась, как шаловливый мальчишка, которому только что удалось кого-то особенно успешно разыграть. И только когда она спала или пребывала в глубокой задумчивости, то становилась именно такой. И в подобные мгновения он любил ее сильнее всего, потому что, как вот сейчас, пока она оставалась беззащитной и естественной, не контролирующей себя, в ее внешности отчетливо проступали приметы сдержанной чувственности, горевшей внутри ее существа, словно пылает не слишком яркий, но горячий подземный огонь, невидимый никому. Тогда он с трудом сдерживал почти неодолимое желание прикоснуться к ней.

Для него это стало в свое время удивительным сюрпризом. Когда он впервые встретился с ней вскоре после своего переезда в Париж, она показалась ему типичной хлопотуньей, каких всегда много в молодежных радикальных кругах столичного города, возглавляющих всевозможные комитеты, организующих выступления против апартеида и кампании за ядерное разоружение. Такие юные создания стояли во главе марша протеста в связи с событиями в Сальвадоре или привлекали внимание общественности к загрязнению воды в реках, собирали средства для голодающих в Чаде или стремились помочь творческому развитию молодого талантливого кинорежиссера. Людей притягивала к ней ее поразительная красота, они поддавались очарованию Джейн, черпали энергию в ее неутомимом энтузиазме. Он пару раз приглашал ее на свидания просто ради удовольствия понаблюдать, как хорошенькая девушка уничтожит огромный бифштекс, а потом – он даже не помнил уже, каким образом так получилось – обнаружил, что под личиной этой неугомонной, легко возбудимой с виду девицы таилась поистине страстная женщина, и по уши влюбился в нее.

Сейчас его взгляд блуждал по ее небольшой квартире-студии. Ему стало радостно при виде знакомых вещей, отличавших именно ее жилище. Симпатичная настольная лампа, сделанная из китайской вазочки, полка с книгами по экономике и проблемам бедности в современном мире, просторная софа, в которой ты мог запросто утонуть. Фотография ее отца, красивого мужчины в двубортном пальто, сделанная, должно быть, еще в шестидесятые годы, скромный серебряный кубок, выигранный ею на пони по кличке Одуванчик в 1971 году, то есть десять лет назад. Ей тогда было тринадцать, подумал Эллис, а мне двадцать три. И пока она выигрывала скачки на пони в Гемпшире, я находился в Лаосе, устанавливая противопехотные мины вдоль тропы вьетнамских партизан).

Когда Эллис впервые попал в эту квартиру почти год назад, Джейн только что перебралась в нее из пригорода, и в ней было пусто: небольшая комната в мансарде с кухней в алькове, с душем в стенном шкафу, а туалетом в конце общего коридора. Постепенно она превратила унылую каморку под самой крышей дома в уютное гнездышко. Джейн хорошо зарабатывала переводами с французского и русского на английский язык, но и арендная плата была высока – квартира располагалась рядом с бульваром Сен-Мишель, и потому ей приходилось

экономить на обстановке. Она накопила достаточно денег, чтобы купить наиболее подходящий ей стол красного дерева, антикварную кровать и тебризский ковер. Она принадлежала к тому типу женщин, которых отец Эллиса назвал бы «дамами высокого класса». Джейн тебе понравится, папочка, думал Эллис. Ты будешь просто без ума от нее.

Он перевернулся на бок лицом к ней, и это движение разбудило ее, как он и предполагал. Ее огромные голубые глаза на мгновение уставились в потолок, а потом посмотрели на него, она улыбнулась и перекатилась в его объятия.

– Привет, – прошептала она, а он поцеловал ее.

И мгновенно почувствовал эрекцию. Некоторое время они лежали рядом, все еще полусонные, изредка обмениваясь поцелуями, а затем она закинула ногу ему через бедро, и они начали заниматься любовью, но не слишком активно, ни слова не говоря друг другу.

Когда они только стали любовниками, первое время взаимное сексуальное влечение возникало между ними по утрам и по вечерам, хотя часто даже посреди дня. Эллис предполагал, что столь острое желание физической близости не продлится долго. Уже через несколько дней или, быть может, через пару недель, думал он, ощущение новизны пропадет, и они перейдут к статистически средней частоте, то есть к двум с половиной половым актам в неделю или к чему-то близкому к усредненной цифре. Но он ошибся. Пролетел год, а они все еще бросались друг на друга при каждом удобном случае, как молодожены во время медового месяца.

Она легла сверху, накрыв его собой. Их увлажнившаяся кожа слипалась. Он обвил руками хрупкое тельце и крепко обнял, прежде чем глубоко погрузиться в ее лоно. Почувствовав приближение его оргазма, Джейн посмотрела на Эллиса сверху вниз, а потом впиалась в него поцелуем приоткрытыми губами, пока он кончал в нее. Сразу после этого она издала легкий, приглушенный стон, и теперь уже он мог ощущать, как она тихо сотрясается от долгого, накачивавшего нежными волнами оргазма, какой обычно испытывала по утрам в воскресенье. Затем она так и осталась лежать поверх него, по-прежнему не совсем проснувшись. Он гладил ее волосы.

Несколько минут спустя она спросила:

– Ты помнишь, какой сегодня день?

– Да. Воскресенье.

– Верно. И в это воскресенье твоя очередь готовить обед.

– Я не забыл и об этом.

– Очень хорошо. – Наступила пауза. – Чем же ты собираешься покормить меня?

– Бифштексом, картошкой, зеленым горошком, сыром из козьего молока и клубникой под кремом шантিলы.

Она вскинула голову и рассмеялась.

– Но ты постоянно готовишь одно и то же!

– Неправда. В прошлый раз мы ели фасоль по-французски.

– А в позапрошлый раз ты вообще забыл обо всем, и нам пришлось идти в ресторан. Не пора ли внести хоть какое-то разнообразие в свои кулинарные потуги?

– Эй, минуточку! Уговор был, что по воскресеньям мы готовим по очереди. Но никто не упоминал о том, что меню должно быть каждый раз иным.

Она вновь распласталась на нем, притворившись потерпевшей поражение в споре.

Все это время предстоявшая днем работа не давала ему покоя. Он нуждался в ее помощи, и настал момент попросить об услуге.

– Этим утром мне нужно повидаться с Рахми, – начал он.

– Ладно. Тогда встретимся у тебя немного позже.

– Ты можешь кое-что сделать для меня, если не сочтешь за труд приехать туда немного раньше, чем обычно.

– Что именно?

– Приготовить обед. Нет, нет! Я, разумеется, шучу. Мне будет нужна твоя помощь в пустяковом, но строго секретном деле.

– А конкретнее? – спросила она.

– Сегодня у Рахми день рождения, и очень кстати в Париж приехал его брат Мустафа, хотя Рахми пока не знает об этом. – Если все пройдет гладко, подумал Эллис при этом, я никогда в жизни больше не солгу тебе. – Я хочу, чтобы появление Мустафы за праздничным обедом Рахми стало сюрпризом. Но мне требуется сообщник.

– Я готова, – сказала она, скатившись с него и сев со скрещенными под собой ногами. Ее груди походили на аппетитные яблоки – гладкие, округлые и крепкие. Кончики ее волос щекотали ему соски. – Что от меня требуется?

– Проблема совсем простая. Мне нужно сообщить Мустафе, куда ему явиться, но вот только Рахми никак не решит, где он хочет устроить праздник. Поэтому мне, видимо, придется информировать об этом Мустафу в самый последний момент. А Рахми, по всей видимости, будет рядом со мной, когда я позвоню его брату.

– И как же ты выйдешь из положения?

– Я позвоню тебе. Буду нести какую-нибудь чепуху. Не обращай внимания ни на что, кроме адреса. Потом сама позвони Мустафе, дай ему адрес и объясни, как туда добраться.

Все это выглядело вполне естественно, пока Эллис планировал свои действия, но сейчас его история выглядела откровенно неправдоподобно.

Но у Джейн она, казалось, не вызвала ни малейших подозрений.

– Действительно предельно просто, – сказала она.

– Вот и отлично, – обрадовался Эллис, скрывая чувство облегчения.

– А после звонка мне придется долго ждать твоего возвращения домой?

– Меньше часа. Я только хочу увидеть эффект, произведенный моим сюрпризом, но откажусь от участия в обеде под любым предлогом.

Джейн задумалась.

– Он пригласил тебя одного? Без меня?

Эллис пожал плечами.

– Насколько я понимаю, это чисто мужской обед.

Он протянул руку за блокнотом на прикроватном столике, написал имя *Мустафа* и номер телефона.

Джейн встала с кровати и пересекла комнату в сторону кабинки в стене, где располагался душ. Она открыла дверцу и пустила воду из крана. Ее настроение заметно изменилось. Улыбка пропала с губ. Эллис спросил:

– Что так рассердило тебя?

– Я не сержусь, – ответила она. – Просто мне не нравится отношение ко мне твоих друзей.

– Но ты же знаешь, как турки привыкли обращаться с девушками.

– Вот именно! С девушками. Они ничего не имеют против уважаемых женщин, а я для них всего лишь твоя девушка.

Эллис вздохнул.

– Не похоже, что ты можешь обижаться на отношение к тебе нескольких примитивных мужских шовинистов. Что ты мне на самом деле пытаешься сказать?

Она размышляла над ответом, задержавшись обнаженной перед дверцей душа, и была настолько красива, что Эллису снова захотелось заняться с ней любовью. Потом она сказала:

– Вероятно, я стремлюсь донести до тебя мысль о том, как мне претит мой нынешний статус. Я целиком и полностью предана тебе – все знают об этом. Я больше ни с кем не сплю, даже не принимаю приглашений поужинать с другими мужчинами. Но вот ты... У тебя нет передо мной никаких обязательств. Мы не живем вместе. По большей части я не знаю, где ты

бываешь, чем занимаешься. Ты до сих пор не представил меня своим родителям... И людям известно, как обстоят дела, а потому они и обращаются со мной как со шлюшкой.

– Думаю, ты очень сильно преувеличиваешь.

– Ты неизменно повторяешь одну и ту же фразу.

Она вошла в душ и с громким стуком закрыла дверь. Эллис достал бритву из ящика стола, где хранил свои туалетные принадлежности, оставаясь ночевать здесь, и начал бриться над раковиной в кухне. У них случались размолвки по этому поводу и раньше. И даже более серьезные и длительные споры. Он знал, в чем заключалась их истинная причина: Джейн хотела, чтобы они жили под одной крышей.

Он, конечно, тоже хотел этого: жениться на ней и прожить вместе всю жизнь. Однако приходилось ждать, когда он исполнит стоявшую перед ним задачу, а рассказать ей все он не мог. Вот и приходилось отделяться пустыми словесами: «Я еще не готов» или «Мне всего лишь нужно совсем немного времени», а эти расплывчатые отговорки только сильнее раздражали ее. Ей представлялось, что года вполне достаточно, чтобы любить мужчину, не добившись тем не менее никаких обязательств с его стороны. И была права, разумеется. Но если сегодня все пройдет хорошо, у него появится возможность кардинально изменить ситуацию. Исправить положение.

Эллис закончил бриться, завернул бритву в полотенце и снова положил в ящик стола. Джейн вышла из душа, и теперь он встал под его струю. Мы прекратили разговаривать, отметил он про себя. Это глупо.

Пока он принимал душ, она сварила кофе. Он поспешно оделся в линялые джинсы и черную футболку, сев затем напротив нее за небольшой стол из красного дерева. Джейн разлила кофе по чашкам.

– Мне необходимо с тобой серьезно потолковать, – сказала она.

– Хорошо, – отозвался он. – Давай поговорим за обедом.

– А почему не сейчас?

– Сейчас у меня нет времени.

– День рождения Рахми важнее наших с тобой отношений?

– Само собой, нет. – Эллис с сожалением почувствовал нетерпение в своем тоне, и внутренний голос шепнул ему: «Веди себя помягче. Ты рискуешь потерять ее». – Но я дал обещание, а выполнять обещания тоже очень важно. И я не вижу большой разницы, поговорим мы с тобой сейчас или чуть позже.

Лицо Джейн приобрело напряженное, упрямое выражение, уже хорошо ему знакомое. Оно появлялось, когда она принимала какое-то решение, но кто-то стремился не дать ей сразу же осуществить его.

– Но вот для меня как раз очень важно, чтобы мы все обсудили именно сейчас.

На мгновение он испытал искушение рассказать ей правду немедленно. Но только это никак не вписывалось в его планы. Времени оставалось в обрез, его сознанием владели сейчас совершенно иные мысли, и он действительно не был готов к полной откровенности. Будет намного лучше все выложить позже, когда они оба смогут расслабиться, а у него появится возможность объявить ей, что его работа в Париже завершена. И потому он сказал:

– Мне кажется, ты поступаешь глупо, когда настаиваешь. Я не поддамся давлению. Пожалуйста, давай побеседуем позже. Сейчас мне пора бежать.

Он поднялся из-за стола.

Когда же он подошел к двери, услышал ее слова:

– Жан-Пьер попросил меня отправиться вместе с ним в Афганистан.

Это прозвучало неожиданно, и Эллису понадобилось время, чтобы вникнуть в смысл сказанного.

– Ты говоришь серьезно? – спросил он с удивлением.

– Вполне серьезно.

Эллис знал, что Жан-Пьер влюблен в Джейн. Как и еще с полдюжины других мужчин: с такого рода женщиной это должно было произойти неизбежно. Но никто из них не был для него опасным соперником. По крайней мере, он сам так считал вплоть до этого момента. Он почти сразу оправился от минутной растерянности.

– Зачем тебе понадобилось посещать зону боевых действий в компании такого слюнтяя? – спросил он.

– Это не тема для шуток, – пылко сказала она. – Речь идет о моей жизни.

Он недоверчиво покачал головой.

– Ты не можешь уехать в Афганистан.

– Почему же?

– Хотя бы потому, что любишь меня.

– Да, но я не твоя собственность. Ты не вправе распоряжаться мной.

Его удовлетворило уже то, что она не ответила: «Нет, не люблю». Он посмотрел на часы. Действительно дурацкая ситуация. Всего лишь чуть позже он сможет рассказать ей все, что ей угодно будет узнать.

– И все равно сейчас я не расположен к разговору, – сказал он. – Мы обсудим наше совместное будущее, а это ни в коем случае нельзя делать в спешке.

– Я не стану ждать вечно, – предупредила она.

– А я и не прошу о долгой отсрочке. Подожди всего несколько часов. – Он коснулся ее щеки. – И давай не начинать ссору всего из-за каких-то нескольких часов.

Она тоже поднялась и крепко поцеловала его в губы.

– Ты же не отправишься в Афганистан, верно?

– Пока не знаю, – медленно ответила она.

Он попытался улыбнуться.

– По крайней мере, никуда не уезжай до обеда.

Она улыбнулась в ответ и кивнула.

– До обеда обещаю никуда не уезжать.

Он еще несколько секунд смотрел ей в глаза, а потом вышел из квартиры.

* * *

Широкие бульвары по обеим сторонам Елисейских Полей заполняли толпы туристов и самих парижан, вышедших на утреннюю прогулку, наслаждаясь ласковым весенним солнцем. В кафе вдоль тротуаров свободных мест не было. Эллис встал рядом с условленным местом, держа рюкзак, купленный в дешевом магазине. Со стороны он выглядел как обычный молодой американец, который автостопом путешествует по Европе.

Он жалел, что Джейн выбрала для попытки откровенного разговора именно это утро. Сейчас она наверняка дует на него, и когда он придет домой, встретит его в дурном настроении.

Что ж, придется затратить какое-то время, чтобы вновь пригладить ее взъерошившиеся перышки.

Затем ему пришлось заставить себя не думать о Джейн и сосредоточиться на стоявшей перед ним задаче.

Он видел два варианта, кем мог оказаться «друг» Рахми, финансировавший небольшую террористическую группу. Первый вариант: богатый и свободолюбивый турок, который решил по политическим или личным мотивам, что оправданы любые насильственные акты против военной диктатуры и ее сторонников. Если дело обстоит так, Эллис испытает большое разочарование.

Вторым вариантом был Борис.

Этот «Борис» слыл легендарной фигурой в тех кругах, в которых вращался теперь Эллис – среди революционно настроенных студентов, палестинцев в изгнании, временных политических агитаторов и лекторов, редакторов скверно издававшихся экстремистских газет, анархистов, маоистов, армян и даже воинствующих вегетарианцев. Говорили, что он русский, офицер КГБ, готовый финансировать любой левацкий демарш или теракт на Западе. Многие, тем не менее, вообще сомневались в его существовании. Прежде всего те, кто пытался получить деньги у русских, но ничего не получил. Однако Эллис порой подмечал важные детали. К примеру, какая-либо группировка, которая многие месяцы жаловалась, что у нее не хватает средств на простую копировальную машину, неожиданно переставала плакаться по поводу денег и становилась крайне озабоченной вопросами секретности и безопасности. А чуть позже следовало похищение, стрельба или взрыв бомбы.

Не приходилось сомневаться, рассуждал Эллис, что русские снабжали деньгами такие группы, как турецкие диссиденты. Им было бы трудно избежать искушения надеть шума, причинить противникам неприятности столь относительно низкой ценой и практически ничем не рискуя. А кроме того, ведь и сами спецслужбы США охотно финансировали похитителей людей и политических убийц в Центральной Америке, и трудно было представить, чтобы Советы проявляли больше щепетильности в подобных делах, чем его соотечественники. А поскольку при такого рода операциях деньги не снимались со счетов в банках и не поступали в виде почтовых или телеграфных переводов, кто-то должен был вручать наличные из рук в руки. Отсюда вытекала необходимость в темных и таинственных персонажах, каким был Борис.

Эллису отчаянно хотелось встретиться с ним.

Рахми прошел мимо ровно в половине одиннадцатого, одетый в розовую рубашку фирмы «Лакост» и в безукоризненно отглаженные коричневые брюки, но все же бросалась в глаза его некоторая нервозность.

Эллис последовал за ним, держась позади в десяти или пятнадцати ярдах, о чем они договорились заранее.

В следующем на их пути кафе расположилась мускулистая, хотя и чересчур полная фигура Пепе Гоцци в черном шелковом галстуке, словно он только что посетил церковную мессу (а это было более чем вероятно). На коленях он держал большой портфель типа «дипломат». Он поднялся с места и пошел почти рядом с Эллисом, но так, что сторонний наблюдатель мог только гадать, знакомы эти двое между собой или нет.

Рахми направился вверх по Елисейским Полям в сторону Триумфальной арки.

Краем глаза Эллис мог видеть Пепе. Корсиканец обладал почти животным инстинктом самосохранения. Он исподволь проверял, нет ли за ним слежки. При пересечении улицы ему удалось вполне естественным образом посмотреть назад, пока не загорелся зеленый сигнал светофора для пешеходов, а затем, минув большой магазин на углу, он мог четко рассмотреть людей у себя за спиной в расположенной по диагонали витрине.

Эллису нравился Рахми, но уж точно не Пепе. Рахми был человеком искренних убеждений и имел четкие принципы, а люди, которых он убивал, вероятно, заслуживали смерти. Пепе принадлежал к совершенно иному типу. Он все делал исключительно ради денег, но тупость и необразованность помешали ему преуспеть в мире легального бизнеса.

В трех кварталах к востоку от Триумфальной арки Рахми свернул в один из узких переулков. Эллис и Пепе последовали за ним. Перейдя на противоположный тротуар, Рахми скоро открыл дверь отеля «Ланкастер».

Вот, стало быть, где состоится randevu. Эллис надеялся, что встречу назначили в баре или ресторане при гостинице: он чувствовал бы себя увереннее в общественном месте.

После жары на улице мраморный вестибюль показался приятно прохладным. Даже холодным. Эллис слегка поежился. Официант, облаченный во фрак, пренебрежительно поко-

сил на его потертые джинсы. Рахми уже втискивался в маленький и узкий лифт, находившийся в дальнем конце вестибюля. Значит, все произойдет в номере отеля. Что ж, чему быть, того не миновать. Эллис вошел в лифт за Рахми, а места для массивной туши Пепе едва хватило. Пока они поднимались, нервы Эллиса натянулись как струны. Из лифта они вышли на четвертом этаже, Рахми подвел их к номеру 41 и постучал в дверь.

Эллис постарался придать своему лицу спокойное, бесстрастное выражение.

Дверь медленно открылась.

Перед ними стоял Борис. Эллис понял это, как только увидел его, и почувствовал одновременно восторг триумфа и холодный укол страха. На лбу этого мужчины словно было написано слово «Москва». Его выдавало все – от дешевой стрижки до крепких и практичных ботинок. Безошибочно узнаваемый стиль офицера КГБ читался даже в жестком, оценивавшем тебя взгляде и в грубом абрисе рта. Этот человек не был похож ни на Рахми, ни на Пепе, не будучи ни пылким идеалистом, ни грязным мафиозо. Борис являл собой тип опытного и жестокого профессионального террориста, который без колебаний расправился бы с любым из возникших на пороге мужчин и со всеми тремя сразу, если бы потребовалось.

Долго же я искал встречи с тобой, подумал Эллис.

Борис некоторое время держал дверь не до конца открытой, отчасти прикрываясь ей, пока изучал визитеров, а затем сделал шаг назад и сказал по-французски:

– Заходите.

Они оказались в гостиной двухкомнатных апартаментов. Она была обставлена достаточно элегантно выглядевшим антиквариатом восемнадцатого столетия: столом, буфетом и стульями. Пачка сигарет «Мальборо» и литровая бутылка коньяка из магазина беспошлинной торговли в аэропорту занимали поверхность небольшого, но изящного журнального столика с гнутыми ножками. В дальнем углу за полуоткрытой дверью располагалась спальня.

Рахми нервно и кратко представил всех присутствующих:

– Пепе. Эллис. Мой друг.

Широкоплечий Борис носил белую сорочку, закатанные рукава которой обнажали мясистые и волосатые руки. Его синие брюки из саржи казались не по погоде слишком плотными. На спинке стула висел пиджак в черно-коричневую клетку, совершенно не подходивший к цвету брюк.

Эллис положил рюкзак на ковер и сел.

Борис жестом указал на коньячную бутылку.

– Не желаете выпить?

Но Эллису совсем не хотелось спиртного в одиннадцать утра.

– Для меня только кофе, пожалуйста, – сказал он.

Борис окинул его пристальным недобрый взглядом.

– Кофе и так подадут нам всем.

Затем Борис направился к телефону. Он привык, чтобы его боялись, промелькнула мысль у Эллиса. Ему не нравится мое обращение с ним на равных.

А вот Рахми откровенно трепетал перед Борисом и продолжал нервничать, инстинктивно расстегивая и снова застегивая верхнюю пуговицу своей розовой рубашки, пока русский общался с отделом обслуживания в номерах.

Борис положил трубку и обратился к Пепе:

– Рад познакомиться с вами. – Он продолжал говорить по-французски. – Думаю, мы можем быть полезны друг другу.

Пепе молча кивнул. Он сидел, немного подавшись вперед, в покрытом бархатной обивкой кресле, и в своем черном костюме казался до странности уязвимым на фоне старинной мебели, словно не он мог случайно сломать ее, а она – причинить вред ему. У Пепе с Борисом все же много общего, подумал Эллис. Оба были сильными, жестокими мужланами, не ведавшими

границ дозволенного или чувства сострадания. Будь Пепе русским, он служил бы в КГБ. Родись Борис французом, он влился бы в ряды мафии.

– Покажите мне бомбу, – распорядился Борис.

Пепе открыл свой «дипломат». Он оказался плотно набит прямоугольными брикетами из какого-то желтого вещества, каждый примерно в фут длиной и сечением в пару дюймов. Борис встал на колени рядом с чемоданчиком и потрогал один из брикетов указательным пальцем. Вещество было мягким, как замазка. Борис принялся.

– Предполагаю, что это Си-3, – сказал он.

Пепе снова кивнул.

– А где взрывное устройство?

– Эллис принес его в рюкзаке, – ответил Рахми.

– Нет, не принес, – сказал Эллис.

На мгновение в комнате воцарилась напряженная тишина. На привлекательном молодом лице Рахми отчетливо отобразился страх.

– Что ты имеешь в виду? – взволнованно спросил он. Взгляд его испуганных глаз метался между Эллисом и Борисом. – Ты же мне обещал... Я сказал ему, что...

– Закрой рот, – резко оборвал его Борис.

Рахми замолк. Борис выжидающе смотрел на Эллиса.

Тот заговорил с небрежным спокойствием, какого на самом деле вовсе не ощущал:

– Я опасался, что это может быть ловушка, а потому оставил взрывное устройство дома. Его смогут доставить сюда буквально через несколько минут. Мне нужно лишь позвонить своей девушке.

Борис изумленно пялился на него несколько секунд. Эллис выдерживал его пристальный взгляд насколько мог хладнокровно.

– Почему вы решили, что возможна ловушка? – наконец поинтересовался Борис.

Эллис решил отказаться от любых объяснений, поскольку они прозвучали бы как попытка оправдаться. Да и сам по себе вопрос прозвучал нелепо. Он посмотрел на Бориса с откровенной уверенностью в себе, а потом лишь пожал плечами, ничего не сказав.

Борис продолжал внимательно вглядываться в его лицо. Потом русский заявил:

– Хорошо. Только звонить буду я сам.

Протест так и вертелся у Эллиса на языке, но ему пришлось подавить желание возразить. Такого поворота событий он не предвидел. Он продолжал выдерживать позу «мне на все наплевать», одновременно лихорадочно обдумывая положение. Как отреагирует Джейн на незнакомый голос? Вдруг ее вообще там нет, и она нарушила обещание? Он уже сожалел о том, что вовлек ее в свои дела. Но теперь было слишком поздно что-то менять.

– Вы осторожный человек, – сказал он Борису.

– Как и вы. Диктуйте номер телефона.

Эллис назвал ему номер. Борис записал его в блокнот, лежавший рядом с аппаратом, и начал набор.

Остальные молча ждали.

– Аллю! – сказал Борис. – Я звоню вам по поручению Эллиса.

Возможно, голос чужака не спугнет ее, надеялся Эллис. Она так или иначе ждала странного звонка. Он ведь ясно дал ей понять: «Не обращай внимания ни на что. Запомни только адрес».

– Что? – раздраженно спросил Борис, и Эллис подумал: какую глупость девушка могла брякнуть? И выругался про себя. – Да, это так, но сейчас совершенно неважно, – продолжал Борис. – Эллис хочет, чтобы вы доставили устройство в номер 41 отеля «Ланкастер» на рю де Берри.

Наступила еще одна пауза.

Просто сыграй свою роль, Джейн! – мысленно умолял ее Эллис.

– Да, это очень хороший отель.

Брось болтать о пустяках! Просто скажи, что выполнишь поручение!

– Спасибо, – ухмыльнулся Борис и добавил с сарказмом: – Вы очень любезны.

После чего дал отбой.

– Она знала, что я русский. Как ей стало известно об этом?

Эллис даже растерялся на мгновение, но потом все понял.

– Она – профессиональный лингвист и умеет различать иностранные акценты, – объяснил он.

Тут впервые заговорил Пепе:

– Дожидаясь прибытия этой девицы, не пора ли взглянуть на деньги?

– Будь по-вашему.

Борис ушел в спальню.

Пока он отсутствовал, Рахми тихо прошипел Эллису:

– Я никак не ожидал от тебя таких трюков!

– Разумеется, не ожидал, – отозвался Эллис притворно равнодушным тоном. – Если бы ты знал о моем плане, он бы не сработал как мера предосторожности, верно?

Борис вернулся с большим коричневым конвертом и передал его Пепе. Тот вскрыл конверт и принялся пересчитывать купюры достоинством в сто франков каждая.

Борис взялся за пачку сигарет и прикурил одну из них.

А Эллис продолжал размышлять: надеюсь, Джейн не станет тянуть со звонком «Мустафе». Мне следовало настоятельно внушить ей, насколько важно передать сведения немедленно.

Через какое-то время Пепе сказал:

– Здесь вся обещанная сумма.

Он вложил деньги в конверт, облизал край, смазанный клеем, запечатал его и положил на край журнального столика.

Несколько минут четверо мужчин сидели в полном молчании.

– Вы живете далеко отсюда? – спросил Борис у Эллиса.

– Пятнадцать минут езды на мотороллере.

В дверь постучали. Эллис всем телом напрягся.

– Она быстро ездит, – сказал Борис и открыл дверь. – Но это всего лишь кофе, – констатировал он злобно и вернулся в свое кресло.

Двое официантов в белых пиджаках вкатили в комнату тележку. Они распрямились и повернулись, держа в руках пистолеты М.А.Б. модели «Д», – штатное оружие французских полицейских.

– Никому не двигаться! – отдал приказ один из них.

Эллис чутьем понял, что Борис готовится к прыжку. Почему детективов только двое? Если Рахми наделает глупостей и его подстрелят, у Пепе и Бориса появится возможность напасть на полицейских и обезоружить их...

Распахнулась дверь спальни, и еще двое мужчин в белой униформе официантов появились на пороге с такими же пистолетами, как у их коллег.

Борис сразу же расслабился. На его лице отобразилось отстраненное выражение.

Только сейчас Эллис осознал, что надолго затаил дыхание, после чего издал глубокий вздох.

Все было кончено.

В комнату вошел человек в мундире офицера полиции.

– Ловушка! – воскликнул Рахми. – Это все-таки оказалось ловушкой!

– Заткнись! – сказал Борис, и его хриплый голос снова заставил Рахми молчать. Затем он обратился к офицеру: – Я решительно протестую, ваши действия возмутительны, – начал он. – Прошу заметить, что...

Полицейский ударил его прямо в зубы обтянутой перчаткой рукой.

Борис прикоснулся к губам и посмотрел на кровь, оставшуюся у него на пальцах. Его манера поведения сразу же радикально изменилась, когда он понял, насколько серьезно положение, чтобы рассчитывать хитростью выйти сухим из воды.

– Запомните хорошенько мое лицо. – Он обратился к офицеру с замогильным холодом в голосе. – Вам еще доведется его увидеть.

– Но кто же предатель? – взволнованно вопрошал Рахми. – Кто нас выдал?

– Он. – Борис указал на Эллиса.

– Эллис? – переспросил Рахми в полнейшем изумлении.

– Телефонный звонок, – напомнил ему Борис. – Адрес отеля и номер комнаты.

Рахми уставился на Эллиса. В его взгляде читались нескрываема обида и боль.

Еще несколько полисменов в мундирах вошли в апартаменты. Офицер указал на Пепе.

– Это Гоцци, – назвал он фамилию. Двое рядовых надели на Пепе наручники и увели.

Офицер посмотрел на Бориса. – А вы кто такой?

Борис напустил на себя скучающий вид.

– Меня зовут Йан Хохт, – ответил он. – Я гражданин Аргентины...

– Не трудитесь понапрасну, – оборвал его офицер с отвращением. – Уведите этого человека. – Потом обратился к Рахми: – Ну а вы что скажете?

– Мне нечего вам сказать! – Рахми сумел заставить свою фразу прозвучать поистине героически.

Офицер отдал распоряжение простым движением головы, и на Рахми тоже нацепили наручники. Пока турка уводили, он прожигал Эллиса ненавидящим взглядом.

Арестованных спустили вниз на лифте по одному. «Дипломат» Пепе и конверт, набитый купюрами, запечатали в полиэтиленовые пакеты. В номер вошел полицейский фотограф и установил штатив.

Офицер сказал Эллису:

– Перед отелем припаркован черный «Ситроен-ДС», – с явной неохотой добавив обращение: – Сэр.

Что ж, я снова на стороне закона, подумал Эллис. Какая жалость, что Рахми куда как более симпатичная мне личность, чем этот полицейский.

Он тоже спустился на лифте. В вестибюле гостиницы стоял управляющий в черном пиджаке и в полосатых брюках. На его лице застыло выражение уязвленного самолюбия, когда он увидел, как все больше представителей полиции бесцеремонно врываются в его заведение.

Эллис вышел наружу под яркие лучи солнца. Черный «Ситроен» стоял у противоположного тротуара переулка. За рулем сидел шофер, а на заднем сиденье расположился пассажир. Эллис тоже сел назад. Машина мгновенно тронулась с места.

Пассажир повернулся к Эллису и сказал:

– Привет, Джон.

Эллис улыбнулся. Странно было слышать свое подлинное имя после более чем годичного перерыва.

– Как дела, Билл? – отозвался он.

– Чувствую огромное облегчение, – сказал Билл. – Тринадцать месяцев мы не слышали от тебя ничего, кроме требований денег. А затем последовал безапелляционный звонок с предупреждением, что у нас есть всего двадцать четыре часа, чтобы мобилизовать местную группу для ареста преступников. Только представь, на что нам пришлось пойти, убеждая французов выделить нам своих людей, не объясняя, зачем это нужно! Группа должна была ждать в рай-

оне Елисейских Полей, но получила точный адрес только после звонка неизвестной женщины мифическому Мустафе. Впрочем, нам самим пока известно лишь это!

– Иного пути у меня не было, – извиняющимся тоном сказал Эллис.

– Мы провернули масштабную операцию и теперь в крупном долгу у правоохранительных органов этого города. Но, как я понимаю, дело успешно завершено. А теперь поторопись заверить меня, что оно того стоило. Кого нам удалось прищучить?

– Задержанный русский – это Борис, – сказал Эллис.

Лицо Билла растянулось в широченной улыбке.

– Будь я проклят! – воскликнул он. – Ты сумел взять самого Бориса. Надеюсь, не шутишь?

– Какие уж тут шутки?

– Господи, в таком случае нужно срочно забрать его у французов, пока они не выяснили, кто он на самом деле.

Эллис пожал плечами.

– Из него в любом случае никто не вытянет важной информации. Он глубоко предан своей профессии. Самое главное – нам удалось, так сказать, изъять его из обращения, пресечь дальнейшую деятельность. Теперь им потребуется года два, чтобы найти замену, а новому «Борису» наладить сеть контактов. А значит – мы значительно затруднили и замедлили их работу здесь.

– Держу пари, ты прав. И это сенсационный результат.

– Корсиканца зовут Пепе Гоцци. Он нелегально торгует оружием, – продолжал Эллис. – Это он поставлял снаряжение почти для всех террористических актов во Франции и многих других странах, совершенных за последние два года. Вот его следует основательно допросить. Попросите французских сыщиков побеседовать в Марселе с его отцом Меме Гоцци. Могу заранее предсказать: вы обнаружите, что старику никогда не нравилось, что члены его семьи занимались преступлениями на политической почве. Предложите ему сделку. Иммунитет для Пепе, если сынок даст показания против политических террористов, которых он снабжал своим товаром, а вы не тронете обычных уголовников. Меме на это подпишется, поскольку не посчитает, что предает своих друзей. А если согласится Меме, Пепе его послушается. У французских прокуроров работы хватит на годы вперед.

– Невероятно! – Билл действительно выглядел пораженным. – Всего лишь за день ты сумел помочь схватить, вероятно, двух самых крупных организаторов террористических актов в мире!

– За один день? – усмехнулся Эллис. – На это ушел год.

– Но он того стоил.

– Молодого турка зовут Рахми Коскун, – сказал Эллис. Он торопился, потому что был кое-кто еще, кому ему не терпелось поведать все это. – Рахми и его группа в ответе за поджог представительства «Турецких авиалиний» пару месяцев назад. Они же убили чуть ранее атташе посольства Турции. Если схватите всю группу, уверен, что улики против них соберете предостаточно.

– Или французская полиция убедит их признать свою вину.

– Верно. Дай мне карандаш. Я составлю для тебя список имен и адресов.

– Не гони лошадей, – сказал Билл. – Нам предстоит получить у тебя детальную информацию, когда доберемся до нашего посольства.

– Я не собираюсь сейчас ехать в посольство.

– Джон, не надо нарушать протокол и все портить.

– Я дам тебе нужные имена, и ты будешь располагать всей необходимой информацией, даже если позже сегодня я попаду под колеса машины бешеного французского таксиста. Если же выживу, встречу с тобой завтра утром и доложу более детально.

– Но зачем ждать до завтра?

– На сегодня у меня назначен обед и свидание.

Билл разочарованно закатил глаза.

– Что ж, вероятно, мы в большом долгу перед тобой, чтобы разрешить некоторые вольности, – неохотно признал он.

– Я тоже так считаю.

– С кем же у тебя свидание?

– С Джейн Ламберт. Ты сам назвал мне ее в числе прочих имен, когда изначально готовил к выполнению задания.

– Помню. Я еще сказал тебе тогда, что если сможешь втереться к ней в доверие, стать ей другом, она познакомит тебя с каждым свихнувшимся леваком, арабским террористом, подражателем Баадера-Майнхоф¹ и поэтом-авангардистом Парижа.

– Так все и случилось, если не считать того, что я влюбился в нее.

Билл сразу стал похож на банкира из Коннектикута, которому сообщили, что его сын собирается жениться на дочери чернокожего миллионера: то есть не знал, радоваться ему или огорчаться.

– Гм. Какая же она на самом деле?

– Она отнюдь не сумасшедшая, хотя у нее много совершенно безумных друзей. Что я могу тебе сказать? Она красива, как фотомодель, чертовски умна и упряма, как ослица. Словом, восхитительна. Она – та женщина, какую я искал всю свою жизнь.

– По крайней мере, становится понятно, почему ты предпочитаешь отпраздновать победу с ней, а не со мной. Что вы собираетесь делать?

Эллис улыбнулся.

– Я откупорю бутылку вина, пожарю пару бифштексов, расскажу ей наконец, что зарабатываю свой хлеб охотой на террористов, а потом предложу выйти за меня замуж.

¹ Нашумевшая немецкая террористическая организация «Фракция Красной армии», основанная Андреасом Баадером и Ульрикой Майнхоф и действовавшая на территории ФРГ и Западной Германии с конца 60-х по конец 90-х годов прошлого века. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Глава вторая

Жан-Пьер склонился через стол в кафетерии и устремил на сидевшую перед ним брюнетку полный сочувствия взгляд.

– Думаю, мне понятны твои чувства, – сказал он с теплотой в голосе. – Помню, какую глубокую депрессию переживал сам к концу первого года учебы на медицинском факультете. Ощущение создавалось такое, что тебе дали больше информации, чем способен усвоить мозг обыкновенного человека, и ты не знал, как справиться с ней, когда наступит время экзаменов.

– Это очень точно замечено. Как раз про меня, – сказала она, энергично кивая.

Девушка готова была разрыдаться.

– Но признак хороший, – ободрил ее собеседник. – Я хочу сказать, что ты одна из лучших на курсе. А именно тот, кто совсем не волнуется, в результате провалится.

Ее карие глаза теперь увлажнились от благодарности к нему.

– Ты действительно так считаешь?

– Я в этом твердо уверен.

Она посмотрела на него с обожанием. Ты скорее съела бы сейчас меня самого, а не свой обед, верно? – подумал он. Она чуть подвинулась на стуле, и воротник ее свитера неожиданно распахнулся, приоткрыв верхние кружева на ее бюстгальтере. На мгновение Жан-Пьер почувствовал проблеск вожделения. В восточном крыле больницы располагалась бельевая кладовка, куда никто не заглядывал после половины десятого утра. И Жан-Пьер уже не раз пользовался этим. Дверь можно было запереть изнутри и завалиться на мягкую грудку чистых простыней...

Брюнетка вздохнула, подцепила вилкой кусочек мяса, сунула в рот и принялась пережевывать. Жан-Пьер сразу потерял к ней всякий интерес. Он терпеть не мог наблюдать, как другие едят. И вообще он сейчас устроил себе своего рода разминку для мускулов, чтобы проверить, способен ли по-прежнему соблазнить почти любую девушку: но доводить дело до конца не входило в его планы. Она была хорошенькая, с вьющимися волосами и с теплым оттенком кожи уроженки побережья Средиземного моря. Стройная фигурка, роскошное тело. Но в последнее время у Жан-Пьера совершенно пропало желание одерживать легкие победы над слабым полом. Единственной девушкой, по-настоящему интересовавшей его, была Джейн Ламберт, но она не позволяла ему даже поцеловать себя.

Он отвел взгляд от брюнетки и рассеянно оглядел зал больничного кафетерия. И не увидел ни одного знакомого лица. Заведение почти пустовало. Он решил пообедать пораньше, поскольку ему досталась в тот день утренняя смена.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как он впервые увидел поразительно красивое лицо Джейн в дальнем конце заполненной людьми комнаты во время приема с коктейлями, устроенного в ознаменование выхода в свет новой книги по гинекологии, написанной феминистками. Он еще поделился с ней тогда мыслью, что не бывает феминистской медицины. Существовала лишь хорошая медицина и плохая. Она возразила, что нет такой науки, как христианская математика, и все же понадобился церковный еретик Галилео, чтобы доказать факт вращения Земли вокруг Солнца. «А ведь вы правы!» – воскликнул Жан-Пьер, совершенно обезоружив ее своим простодушным признанием, и так они стали друзьями.

Вот только к его мужским чарам она оказалась невосприимчива, словно не замечала их. Он ей нравился, но она хранила привязанность к своему американцу, хотя Эллис был значительно старше нее. И странным образом это делало ее еще более привлекательной для Жан-Пьера. Если бы только Эллиса можно было убрать со сцены. Попал бы он под автобус, что ли, или как-то иначе самоустранился... В последнее время сопротивление Джейн начало постепенно ослабевать. Или он всего лишь выдавал желаемое за действительное?

Брюнетка спросила:

– А правда, что ты на два года отправляешься в Афганистан?

– Правда.

– Почему?

– Наверное, потому, что верю в концепцию свободы. И еще: я получил такое блестящее образование и накопил бесценный опыт не для того только, чтобы делать коронарное шунтирование ожиревшим бизнесменам.

Ложь слетала с его губ почти бессознательно.

– Но зачем на целых два года? Обычно специалисты проводят там три или шесть месяцев. Год – максимум. Два года кажутся целой вечностью.

– Неужели? – Жан-Пьер иронично усмехнулся. – Понимаешь, трудно добиться чего-то по-настоящему важного за небольшой период времени. Идея отправлять туда врачей в короткие командировки в высшей степени неэффективна. На самом деле повстанцы нуждаются в постоянной медицинской помощи, в больнице, которая будет находиться в одном и том же месте, а ее персонал не станет то и дело меняться. По крайней мере его костяк. А при нынешнем положении дел люди там не знают, куда им отправлять своих больных и раненых, они не соблюдают рекомендации медиков, потому что знают их недостаточно долго для доверительных отношений, и никто не уделяет внимания медицинскому просвещению населения. При этом расходы на доставку добровольцев в страну и возвращение на родину делают подобные «бесплатные» услуги достаточно дорогими.

Жан-Пьер вложил столько напускной страсти в эту речь, что почти поверил сам себе. Ему пришлось мысленно вспомнить подлинный мотив поездки в Афганистан и реальную причину, почему ему предстояло задержаться там на два года.

– Кто здесь намеревается лечить людей бесплатно? – Голос донесся из-за спины Жан-Пьера.

Он повернулся и увидел другую пару, несшую подносы с едой: Валери, которая числилась интерном, как и он сам, в компании своего ухажера, рентгенолога. Они уселись за один стол с Жан-Пьером и брюнеткой.

На вопрос Валери ответила брюнетка:

– Жан-Пьер отправляется в Афганистан, чтобы помогать повстанцам.

– Да неужто? – Валери казалась искренне удивленной. – А я слышала, что тебе предложили прекрасную работу в Хьюстоне.

– Я от нее отказался.

Это произвело на Валери впечатление.

– Но почему?

– Я считаю более достойным занятием спасти жизни борцам за свободу, а здоровье техасских миллионеров меня совершенно не волнует. И ничего не меняет в этом мире.

Рентгенолог оказался не настолько поражен решением Жан-Пьера, как его партнерша. Он съел немного картофельного пюре и сказал:

– Разумный ход. Когда вернешься, без проблем получишь ту же работу. Станешь не просто доктором, но еще и героем.

– Ты так к этому относишься? – с холодком спросил Жан-Пьер.

Ему не понравился оборот, который начинал принимать их разговор.

– В прошлом году двое из этой больницы побывали в Афганистане, – продолжал рентгенолог. – Оба получили прекрасные должности по возвращении.

Жан-Пьер снисходительно улыбнулся.

– Что ж, приятно думать, что я буду при хорошей работе, если останусь в живых.

– И это окажется справедливым! – пылко воскликнула брюнетка. – После такого самопожертвования!

– Как относятся к твоему намерению родители? – поинтересовалась Валери.

– Мама его одобряет, – ответил Жан-Пьер.

Разумеется, она полностью его поддерживала: ей нравились герои. Зато Жан-Пьер живо воображал, что сказал бы его отец о молодом враче-идеалисте, отправлявшемся работать на афганских мятежников. *Социализм не подразумевает, что каждый волен делать то, что ему заблагорассудится!* – заявил бы он своим хриплым и напористым голосом, слегка покрасневшись. *Кем ты считаешь этих самых «повстанцев»? На самом деле они обыкновенные бандиты, злоупотребляющие послушанием простых крестьян. Все феодальные институты следует ликвидировать, прежде чем восторжествует социализм.* И он бы грохнул по столу одним из своих крепких кулаков. *Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц, а чтобы построить социализм, необходимо крушить головы!* Не беспокойся, папочка, я все это прекрасно знаю.

– А мой отец уже умер, – сказал Жан-Пьер вслух. – Но он тоже был борцом за свободу. Сражался в рядах Сопротивления во время войны.

– Чем конкретно он помогал Сопротивлению? – спросил все еще скептически настроенный рентгенолог, но Жан-Пьер уже не удостоил его ответом, потому что увидел, как через кафетерий проходит Рауль Клермон, редактор газеты «Восстание», обильно потевший в воскресном костюме. За каким дьяволом толстяка-журналиста принесло сейчас в больничную столовую?

– Мне нужно с тобой переговорить, – без предисловий начал Рауль.

Он сильно запыхался.

Жан-Пьер жестом указал ему на свободный стул.

– Рауль...

– Это весьма срочно, – оборвал его газетчик, и у него был такой вид, словно он не хотел, чтобы его имя произносили при посторонних.

– Почему бы тебе не пообедать с нами? Потом мы на досуге побеседуем.

– Сожалею, но не могу.

Жан-Пьер различил паническую интонацию в голосе толстяка. Взглянув ему в глаза, он заметил в них умоляющее выражение, просьбу перестать дурачиться. Удивленный, он поднялся из-за стола.

– Хорошо, – сказал он, а чтобы сгладить впечатление чрезмерной тревоги у своих коллег, с шутливой игривостью бросил: – Не трогайте остатки моего обеда. Я скоро вернусь.

Потом под руку с Раулем он вышел из кафетерия.

Жан-Пьер собирался остановиться сразу за дверью и поговорить, но Рауль повел его дальше по коридору.

– Меня послал мсье Леблон, – сказал он.

– Я уже начал догадываться, что он всему причиной, – отозвался Жан-Пьер.

Прошел всего месяц с тех пор, как Рауль познакомил его с Леблоном, который попросил его отправиться в Афганистан под предлогом помощи повстанцам, как другие французские врачи, но на самом деле – чтобы шпионить на русских. Жан-Пьер ощутил гордость и тревогу, но прежде всего – приятное возбуждение при появлении возможности совершить нечто действительно значительное. Он лишь опасался, что организация, отправлявшая медиков в Афганистан, отвергнет его как коммуниста. Они, конечно, не могли пронюхать, что он являлся полноправным членом партии, а сам он не собирался информировать их об этом, но им могла стать известна его репутация человека, сочувствовавшего коммунистам. Однако в то же время все знали, сколь многие французские коммунисты выступили против советского вторжения в Афганистан. И все же существовала вероятность, что крайне осторожная организация предложит Жан-Пьеру отправиться помогать другим освободительным группировкам, поскольку они посылали врачей в несколько стран. Например, в Сальвадор. Но в итоге все сложилось удачно: «Медики за Свободу» приняли его радушно и без всяких подозрений. Он сообщил хорошие

новости Раулю, а тот пообещал ему еще одну встречу с Леблонем. Вероятно, как раз настало для такой встречи самое подходящее время.

– Но зачем такая спешка и паника?

– Он хочет видеть тебя сейчас же.

– Сейчас же? – переспросил Жан-Пьер немного раздраженно. – Но ведь я на дежурстве.

Меня ждут пациенты...

– Уверен, о них позаботится кто-нибудь еще.

– Но отчего возникла настолько срочная необходимость? Я ведь уезжаю только через два месяца.

– Речь пойдет не об Афганистане.

– О чем же еще?

– Я не знаю.

Не знаешь? Тогда почему ты так испуган? – гадал про себя Жан-Пьер.

– То есть даже приблизительного представления не имеешь?

– Мне известно только, что Рахми Коскуна арестовали.

– Того турецкого студента?

– Да.

– За что?

– Не знаю.

– И какое отношение его арест имеет ко мне? Я с ним едва знаком.

– Мсье Леблон объяснит.

Жан-Пьер воздел руки протестующим жестом.

– Я не могу просто так взять и уйти отсюда.

– А если ты, скажем, почувствовал недомогание? Проще говоря – заболел? – спросил Рауль.

– Мне необходимо позвонить старшей медсестре, чтобы она вызвала мне замену. Но...

– Так позвони ей.

Они уже почти добрались до выхода из здания больницы, где на стене висело несколько аппаратов для внутренней телефонной связи.

Это может быть проверкой, промелькнула у Жан-Пьера мысль. Проверкой моей преданности делу, чтобы установить, насколько я серьезно настроен и достоин ли исполнения чрезвычайно ответственного задания. И он решил рискнуть вызвать недовольство руководства больницы, сняв трубку одного из телефонов.

– Меня срочно вызвали в связи с внезапной проблемой в семье, – сказал он, когда старшая медсестра ответила. – Прошу вас незамедлительно связаться с доктором Роше.

– Хорошо, сделаю, – спокойно сказала медсестра. – Надеюсь, вы не получили по-настоящему печальных новостей?

– Я вам обо всем расскажу потом, – торопливо заверил он. – До свидания. О! Минуточку! – У него была пациентка, у которой ночью открылось кровотечение. – Каково состояние мадам Ферье?

– Нормальное. Кровотечение остановили, и оно не возобновлялось.

– Прекрасно. Пожалуйста, присматривайте за ней очень внимательно.

– Конечно, доктор.

Жан-Пьер повесил трубку.

– Все в порядке, – сказал он Раулю. – Теперь можем идти.

Они вышли на стоянку и сели в принадлежавшее Раулю «Рено-5». Машина внутри раскалилась от полуденного солнца. Рауль ехал на высокой скорости, но избегал основных магистралей, предпочитая узкие боковые улочки. Жан-Пьер начал нервничать. Он ведь даже не знал в точности, кем был Леблон, но предполагал, что тот так или иначе связан с КГБ. Помимо

воли Жан-Пьер задумался, не совершил ли он поступка, способного разгневать столь пугавшую всех спецслужбу, и если да, то какое наказание его может ожидать.

Они уж точно никак не могли узнать о Джейн.

Их совершенно не касалось сделанное ей предложение сопровождать его в Афганистан. В отправлявшейся группе наверняка будет немало других людей. Вероятно, вместе с Жан-Пьером пошлют медсестру-ассистентку. Еще несколько врачей получат назначения в соседние населенные пункты или даже по всей стране. Так почему бы Джейн не оказаться в их числе? Она не имела медицинской квалификации, но могла пройти краткосрочные курсы, а ее большое преимущество состояло в знании фарси – диалекта персидского языка, на котором говорили в тех краях, куда держал путь Жан-Пьер.

Он надеялся, что она согласится, движимая идеализмом и свойственным ей стремлением к увлекательным путешествиям. А еще он питал другую иллюзию: в чужой стране Джейн легко забудет об Эллисе и влюбится в единственного оказавшегося рядом европейца, которым станет, само собой, Жан-Пьер.

Одновременно было нежелательно, чтобы даже в партии узнали о том, почему он именно ее уговорил присоединиться к нему – исключительно по причинам амурного характера. Им не следовало совать нос в его личную жизнь. Их никто не мог информировать о его интимных делишках. По крайней мере, он так считал. Но вдруг все же ошибался? Что, если им обо всем стало известно, и он накликал на себя их злобу?

Не глупи, сказал он потом сам себе. В действительности ты не сделал ничего дурного, а если даже совершил неверный шаг, никакого наказания не последует. Это же реальный КГБ, а не та мифическая организация, которая вселяет ужас в сердца подписчиков журнала «Ридерс дайджест».

Рауль припарковал машину. Они остановились рядом с жилым домом, состоявшим из дорогих апартаментов, на рю де л'Юниверсите. Это было то же место, где Жан-Пьер встречался с Леблоном в прошлый раз. Они выбрались из автомобиля и зашли в здание.

В вестибюле царил сумрак. По лестнице, спиралью уходившей вверх, они поднялись на второй этаж, и Рауль нажал на кнопку звонка. Насколько же изменилась моя жизнь с тех пор, когда я прежде стоял перед этой дверью, подумал Жан-Пьер.

Открыл им сам мсье Леблон. Это был низкорослый, хрупкий, лысеющий мужчина в очках. В пепельно-сером костюме при серебристом галстуке внешне он смахивал на дворецкого. Хозяин провел их в комнату, располагавшуюся в задней части квартиры, где он уже беседовал с Жан-Пьером. Высокие окна и изысканная лепнина на потолке указывали, что когда-то здесь, должно быть, находилась элегантная гостиная, но сейчас на полу лежал нейлоновый ковер, а дешевый конторский письменный стол окружали стулья из пластмассы вульгарного оранжевого цвета.

– Подождите тут недолго, – сказал Леблон.

Его голос был тихим, отрывистым и сухим, как пыль. Легкий, но без труда уловимый акцент наводил на мысль, что его подлинная фамилия вовсе не Леблон. Он вышел через другую дверь.

Жан-Пьер сел на один из пластмассовых стульев. Рауль остался стоять. В этой комнате, вспомнил Жан-Пьер, сухой голос сказал мне: «Вы были ничем не примечательным, но преданным членом партии с самого детства. Ваш характер и история вашей семьи подсказывают, что вы сможете достойно послужить партии на секретной работе».

Надеюсь, я не испортил своей репутации из-за Джейн, подумал он.

Леблон вернулся в сопровождении незнакомого мужчины. Оба задержались на пороге, и Леблон указал на Жан-Пьера. Незнакомец пристально всмотрелся в доктора, словно пытался навсегда запечатлеть в памяти его лицо. Жан-Пьер ответил не менее жестким взглядом. Мужчина выглядел крупным и широкоплечим, как футболист. Его волосы были длинными по

бокам головы, но заметно поредели на макушке, а усы он отпустил так, что их концы свисали вниз. Он носил зеленый вельветовый пиджак с разрезами на рукавах. Через несколько секунд он кивнул и удалился. Леблон закрыл за ним дверь и уселся за письменный стол.

– Произошла настоящая катастрофа, – сказал он.

Это не про Джейн, подумал Жан-Пьер. Слава тебе господи!

– В круг ваших друзей сумел проникнуть агент ЦРУ.

– О боже! – воскликнул Жан-Пьер.

– Само по себе это еще не та катастрофа, о которой я веду речь, – раздраженно продолжал Леблон. – Едва ли удивительно, что среди вас затесался американский шпион. В вашем окружении наверняка работают агенты Израиля, Южной Африки, как и спецслужб самой Франции. Чем им еще заниматься, как не проникать в группы молодых политических активистов? Мы тоже имеем своего человека, разумеется.

– Кто же это?

– Вы.

– О! Вот как! – Жан-Пьер был поражен до глубины души. Он сам никогда не считал себя шпионом. Но что еще могла означать формулировка «секретная работа»? – А кто же агент ЦРУ? – спросил он затем с откровенным любопытством.

– Некто Эллис Талер.

Изумление Жан-Пьера оказалось на сей раз настолько сильным, что он невольно вскочил со стула.

– Эллис?!

– Так вы с ним знакомы. Очень хорошо.

– Эллис – агент ЦРУ?

– Сядьте, – невозмутимо сказал Леблон. – Наша проблема не в нем самом, а в том, что он натворил.

Жан-Пьер размышлял. Если Джейн узнает об этом, она бросит Эллиса, как раскаленный кирпич. Позволят ли они ему все ей рассказать? Пусть даже нет. Узнает ли она правду о нем чуть позже? И каким образом? Поверит ли? Станет ли Эллис отрицать свою тайную деятельность?

Леблон продолжал говорить. Жан-Пьеру пришлось не без труда сосредоточиться на его словах.

– Катастрофа заключалась в том, что Эллис поставил ловушку, и в нее угодил некто очень важный для нас.

Жан-Пьер вспомнил, как Рауль упомянул об аресте Рахми Коскуна.

– Рахми действительно настолько важен для нас?

– Это не Рахми.

– Кто же тогда?

– Вам не обязательно знать.

– Тогда зачем вы привезли меня сюда?

– Помолчите и послушайте. – Леблон сказал это настолько жестко, что впервые внушил Жан-Пьеру страх. – Я, разумеется, никогда не встречался с вашим другом Эллисом. К сожалению, Рауль с ним тоже не знаком. А потому мы оба не знаем даже, как он выглядит. Зато вы знаете. Поэтому я и попросил доставить вас сюда. Вам известно, где живет Эллис?

– Да. Он снимает комнату над рестораном на рю де л'Ансьен Комеди.

– Окна комнаты выходят на улицу?

Жан-Пьер нахмурился. Он бывал там всего однажды. Эллис нечасто приглашал к себе гостей.

– Мне кажется, что да, выходят.

– Но вы не уверены?

– Дайте мне подумать.

Он заходил туда как-то вечером вместе с Джейн и еще целой компанией приятелей после показа какого-то фильма в Сорбонне. Эллис угощал всех кофе. Комната была небольшая. Джейн как раз уселась на пол у окна...

– Да. Там одно окно, и оно выходит на улицу. Почему это имеет значение?

– Потому что вы сможете подать сигнал.

– Я? Но зачем? Кому?

Леблон метнул в него свирепый взгляд.

– Простите, – сразу же извинился Жан-Пьер.

Леблон колебался. Затем заговорил снова, и его голос стал еще немного тише, хотя выражение лица оставалось непроницаемым.

– Вам предстоит пройти крещение огнем. Я сожалею о необходимости использовать вас в... подобной акции. Поскольку вы прежде не делали для нас вообще ничего существенного. Но вы знакомы с Эллисом, и сейчас у нас нет больше никого, кто хорошо знал бы его. А то, что мы собираемся предпринять, потеряет всякий смысл, если не сделать этого немедленно. Итак. Слушайте внимательно. Это крайне важно. Вы отправитесь к нему в комнату. Если застанете его дома, вы войдете – придумайте любой предлог. Затем встаньте у окна и покажитесь в него, чтобы вас разглядел Рауль, который будет дежурить на улице.

Рауль вскинулся, уподобившись псу, услышавшему, как люди упоминают в разговоре его кличку.

– А если Эллиса дома не окажется? – спросил Жан-Пьер.

– Поговорите с соседями. Постарайтесь выяснить, куда он отправился и скоро ли вернется. Если он вышел всего на пять минут или даже примерно на час, дождитесь его. И когда он вернется, действуйте, как было сказано: войдите внутрь, приблизьтесь к окну и убедитесь, что Рауль вас увидел. Ваше появление в окне будет означать, что Эллис у себя, а потому, как бы ни развивались события, не подходите к окну, если его там не будет. Это вы усвоили?

– Я знаю теперь, чего вы от меня хотите, – сказал Жан-Пьер. – Не понимаю только, с какой целью.

– Помочь нам идентифицировать Эллиса.

– А когда я вам помогу... Что дальше?

Ответ Леблону превзошел самые смелые ожидания Жан-Пьера и до крайности обрадовал его.

– Мы, конечно же, убьем его.

Глава третья

Джейн расстелила старенькую, покрытую заплатами белую скатерть поверх небольшого стола в комнате Эллиса и разложила набор видавших виды ножей и вилок. Нашла бутылку флери в шкафчике под раковиной и откупорила ее. У нее возник соблазн попробовать вино, но потом она решила дожидаться Эллиса. Она достала бокалы, соль, перец, горчицу и бумажные салфетки. Не начать ли готовить самой? – подумала она. Нет, лучше предоставить это ему.

Комната Эллиса ей никогда не нравилась. Она была пустовата, тесна и совершенно безлика. Впервые попав сюда, она даже испытала в некотором роде шок. Она уже какое-то время встречалась с этим нежным, спокойным, зрелым мужчиной и ожидала, что он обитает в месте, которое отражает достоинства его личности – в уютной, удобной квартире, где обнаружится множество реликвий из его прошлого, по всей видимости, богатого различного рода событиями. Но побывав в его логове, вы бы никогда не догадались, что этот человек был уже однажды женат, воевал, употреблял ЛСД², избирался капитаном школьной футбольной команды. Холодные белые стены украшали явно случайно подобранные плакаты и афиши. Фарфоровую посуду хозяин купил в лавках старьевщиков, а кастрюли и сковородки были из оцинкованного железа. Имя владельца не значилось ни на одном из томиков поэзии в бумажных обложках, стоявших на полках книжного шкафа. Свои джинсы и свитеры он хранил в пластмассовом чемодане под скрипучей кроватью. А где же его старые школьные дневники, где фотографии племянников и племянниц, где пластинка со столь любимой им песней «Отель разбитых сердец» Элвиса Пресли, где обычные в каждом доме сувениры из Булони или с Ниагарского водопада? Или та салатница из тикового дерева, которую всякий рано или поздно получает в подарок от родителей? В комнате не было ничего действительно значимого. Ни одной вещи, какую обычно хранишь не за ее ценность, а за воспоминания, с ней связанные. Словом, он не вложил в обстановку даже малой частицы своей души.

Комната человека, застегнутого на все пуговицы, хранившего свои секреты, никогда и ни с кем не делившегося сокровенными мыслями. Постепенно Джейн с глубочайшей печалью поняла, что Эллис действительно походил на свое жилье, то есть был холоден и скрытен.

И это поражало ее больше всего. Он представлялся ей очень уверенным в себе мужчиной. Всегда ходил с горделиво поднятой головой, словно ни разу в жизни не испытал подлинного страха. И даже его постель как будто существовала не для сна, а исключительно для сексуальных утех. Вот когда он мог сделать что угодно, сказать что угодно без колебаний, без угрызений совести или стыда. Джейн прежде не встречала подобных личностей. Уж слишком часто – в постели, в ресторане или просто во время прогулки по улице, пока они вместе над чем-то смеялись, пока она слушала его рассказы, наблюдала, как в уголках его глаз собирались морщинки в моменты глубокой задумчивости, или даже лежала в его теплых объятиях, Джейн вдруг обнаруживала внезапно, что он совершенно отключился от реальности. И в такие минуты он переставал быть любящим, занятым, задумчивым, обходительным или чувствительным. Она ощущала себя отторгнутой им, совсем посторонней, влезшей непрошено в его интимный мир. Эта перемена походила на то, как солнце вдруг скрывается за густым облаком.

Она знала: ей придется так или иначе расстаться с ним. Джейн любила его самозабвенно, но теперь ей казалось, что он не способен на столь же сильное ответное чувство. Ему уже исполнилось тридцать три, и если он до сих пор не усвоил науку истинной любви, то не усвоит уже никогда.

² ЛСД – ныне почти забытый сильнодействующий галлюциногенный наркотик, особенно популярный в 1960-е годы среди поколения хиппи.

Она села на диван и принялась читать номер английского еженедельника «Обсервер», который купила в киоске иностранной прессы на бульваре Распай по пути сюда. На первой полосе они опубликовали репортаж из Афганистана. Теперь эта страна представлялась прекрасным местом, куда можно отправиться, чтобы забыть об Эллисе.

Идея с самого начала вызвала ее интерес. Хотя ей нравился Париж, и работа, по крайней мере, не позволяла скучать в силу своего разнообразия, она стремилась к чему-то более важному: к новому опыту, к приключениям, к возможности внести свой вклад в борьбу за свободу. Ни малейшего страха она не чувствовала.

Жан-Пьер сказал, что врачей слишком высоко ценили, чтобы отправлять непосредственно в зону боевых действий. Конечно, существовал риск угодить в засаду или стать жертвой шальной бомбы, но он едва ли превышал опасность угодить под колеса одного из лихих парижских водителей. Ей было любопытно узнать, как живут афганские повстанцы. «Чем они питаются? – спрашивала она у Жан-Пьера. – Какую одежду носят? Ночуют в палатках? У них есть хотя бы туалеты?»

«Никаких туалетов, – отвечал он. – Нет электричества. Нет дорог. Нет вина. Нет автомобилей. Нет центрального отопления. Нет дантистов. Нет почтальонов. Нет рекламы. Нет кока-колы. Никто не дает прогнозов погоды, не печатает биржевых сводок. Там не работают декораторы, социальные службы. Нет губной помады, женских прокладок, модных нарядов, званых ужинов. Невозможно вызвать такси или даже сесть в обычный автобус, постояв в очереди...»

«Остановись! – перебивала она, потому что он был способен продолжать так часами напролет. – У них не может не быть такси и автобусов».

«В сельской местности нет ничего подобного. Я отправляюсь в район под названием долина Пяти Львов – твердыню повстанцев в предгорьях Гималаев. Жизнь там была крайне примитивной даже до того, как начались русские бомбардировки».

Джейн питала несокрушимую уверенность, что вполне сможет обойтись без канализации, водопровода и прогнозов погоды. Она догадывалась о том, насколько Жан-Пьер недооценивает опасность, но это почему-то не могло сдержать ее порыва. Мать, разумеется, устроила бы настоящую истерику. А отец, будь он еще жив, сказал бы просто: «Удачи тебе, Джейни!» Уж он-то понимал, как важно для любого человека сделать свою жизнь полезной для общества. Хотя он был отличным врачом, больших денег так и не заработал, поскольку где бы они ни жили – в Нассау, в Каире, в Сингапуре, но дольше всего в Родезии, – он всегда лечил бесплатно бедняков, и они являлись к нему на прием толпами, а пациентов, способных щедро оплатить его услуги, отец отвергал.

Из состояния глубокой задумчивости ее вывел топот, донесшийся с лестницы. Она поняла, что не успела прочитать в газете и пары абзацев. Вскинула голову и вслушалась. Нет, на шаги Эллиса не похоже. Но постучали именно в его дверь.

Джейн отложила газету в сторону и пошла открывать. Перед ней стоял Жан-Пьер. И он был удивлен едва ли не сильнее, чем она сама. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– У тебя какой-то виноватый вид, – заметила Джейн. – У меня тоже?

– Да, – с усмешкой ответил он.

– Я как раз вспоминала о тебе. Заходи.

Он переступил через порог и огляделся.

– Эллиса нет дома?

– Я жду его с минуты на минуту. Присаживайся.

Жан-Пьер пристроил свое долговязое тело на диване. Уже не впервые Джейн подумала, что он, должно быть, самый красивый мужчина из всех, с кем она была знакома. У него были совершенно правильные черты лица, высокий лоб, четко обрисованный, почти аристократический нос, влажные карие глаза и чувственный рот, скрытый густой темно-русой бородой и

усами, в которых местами виднелись рыжие волоски. Одевался он дешево, но тщательно подбирал вещи, умея носить их с небрежной элегантностью – и этой способности Джейн тайно завидовала.

Он ей очень нравился. Его крупный недостаток заключался в слишком высоком мнении о себе, но при этом его самоуверенность выглядела настолько откровенной и наивной, что обезоруживала, как нас часто умиляют излишне хвастливые дети. Ей импонировали его идеализм и преданность профессии медика. А еще ему нельзя было отказать в известном шарме. И в живом воображении, которое порой даже смешило ее. Вдохновленный чем-нибудь совершенно абсурдным, порой даже простой оговоркой, он мог пуститься в затейливый монолог, продолжавшийся десять или даже пятнадцать минут. К примеру, стоило кому-то заговорить о футболе, как Жан-Пьер выдавал спонтанный комментарий к недавнему матчу, каким его мог бы описать только философ-экзистенциалист. Джейн тогда смеялась до колик. Некоторые знакомые намекали, что веселый нрав Жан-Пьера имел оборотную сторону, когда он погружался в самую черную депрессию, но сама Джейн ни разу не видела его таким.

– Выпей немного вина, купленного Эллисом, – предложила она, указывая на бутылку, возвышавшуюся посреди стола.

– Нет, спасибо.

– Ты уже готовишь себя к жизни в мусульманской стране?

– Пока не начал.

Он стал вдруг очень серьезным.

– В чем дело? – спросила она.

– Мне необходим важный разговор с тобой, – ответил он.

– Но мы уже обо всем побеседовали три дня назад. Разве не помнишь? – небрежно заметила она. – Ты попросил меня бросить своего возлюбленного и отправиться с тобой в Афганистан – предложение, от которого не многие девушки отказались бы.

– Не надо такого легкомыслия.

– Хорошо. Но только я все еще не приняла окончательного решения.

– Джейн. Мне стало известно об Эллисе нечто поистине ужасающее.

Она озадаченно посмотрела на него. Что он собирался ей сообщить? Неужели придумал какую-то фантастическую историю, готов лгать, чтобы убедить ее поехать с ним? Едва ли, подумала она.

– Итак, что ты узнал?

– Он не тот, за кого выдает себя, – заявил Жан-Пьер.

Слова прозвучали до крайности мелодраматично.

– Нет нужды говорить таким похоронным тоном. Выражайся яснее.

– Он вовсе не нищий поэт. Он работает на американское правительство.

Джейн нахмурилась.

– На американское правительство? – Ей поначалу показалось, что Жан-Пьер все неверно истолковал. – Да, он действительно дает уроки английского языка некоторым французам, которые служат в различных учреждениях, принадлежащих США...

– Я совсем не это имею в виду. Он – шпион, внедрившийся в местные радикальные группировки. Он – тайный агент. А работает на ЦРУ.

Джейн разразилась громким смехом.

– Ты несешь чепуху! Неужели рассчитываешь заставить меня бросить его, выдвигая абсурдные обвинения?

– Это правда, Джейн.

– Нет, не правда. Эллис не может быть шпионом. Тебе не кажется, что я бы непременно что-то заподозрила? Я ведь практически живу вместе с ним целый год.

– Но ведь вы не живете вместе по-настоящему, не так ли?

– Это ничего не меняет. Я слишком хорошо знаю его. – Произнося свою фразу, Джейн подумала: а ведь тогда многому нашлось бы объяснение.

На самом деле она далеко не все знала об Эллисе. Но все же достаточно, чтобы не верить в то, что он подлый, низкий, коварный и хоть сколько-нибудь зловещий человек.

– Об этом прошел слух чуть ли не по всему городу, – продолжал Жан-Пьер. – Этим утром задержали Рахми Коскуна, и многие считают его арест делом рук Эллиса.

– За что арестовали Рахми?

Жан-Пьер пожал плечами.

– За подрывную деятельность, несомненно. Как бы то ни было, Рауль Клермон сейчас рыскает по Парижу в поисках Эллиса, а есть и другие люди, исполненные жажды мести.

– О, Жан-Пьер, все это просто смехотворно, – сказала Джейн. Внезапно она почувствовала жар во всем теле. Подошла к окну и распахнула его. Глянув вниз, заметила, как светловолосая голова Эллиса нырнула в подъезд дома. – Что ж, вот он и вернулся, – обратилась она к Жан-Пьеру. – Теперь тебе придется повторить свои невероятные вымыслы прямо ему в лицо.

Она уже слышала, как Эллис поднимается по лестнице.

– Именно это я и собирался сделать, – сказал Жан-Пьер. – Как ты думаешь, с какой еще целью я мог явиться сюда? Я пришел предупредить, что они уже начали охоту на него.

Только теперь Джейн осознала: Жан-Пьер говорил искренне. Он действительно верил каждому своему слову. Отлично! Эллис совсем скоро вправит ему мозги и поставит на место.

Дверь открылась, и Эллис вошел в комнату.

Выглядел он почти счастливым, словно его так и рапирало от хороших новостей, и когда Джейн увидела его округлое улыбающееся лицо со сломанным носом и с пронизательными голубыми глазами, ее сердце пронзило чувство вины при мысли, как она чуть ли не флиртowała с Жан-Пьером.

Эллис замер у порога, явно удивленный присутствием в своем доме Жан-Пьера. Его улыбка едва заметно померкла.

– Привет вам обоим, – сказал он.

Затем закрыл за собой дверь и запер ее, что вошло у него в привычку. Джейн всегда считала ее несколько эксцентричной, но сейчас ей подумалось, что именно так и поступил бы шпион. Девушка усилием воли отогнала от себя эту мысль.

Жан-Пьер заговорил первым:

– Они начали охоту на тебя, Эллис. Им все известно. Они придут за тобой.

Джейн переводила взгляд с одного мужчины на другого. Жан-Пьер имел превосходство в росте, но Эллис был широк в плечах и обладал мощным торсом. Они тоже стояли и разглядывали друг друга, как два уличных кота, прикидывавших, насколько силен соперник.

Джейн обняла Эллиса, поцеловала его, словно заглаживая провинность, и сказала:

– Жан-Пьер как раз рассказывал мне абсолютно абсурдную историю о том, что ты якобы шпион ЦРУ.

Жан-Пьер склонился через подоконник, всматриваясь в проходившую внизу улицу. Потом он снова повернулся к ним лицом.

– Расскажи ей все сам, Эллис.

– Откуда у тебя взялась подобная идея? – спросил Эллис.

– Об этом судачат по всему городу.

– Но от кого конкретно услышал ее ты? – с металлом в голосе задал вопрос Эллис.

– От Рауля Клермона.

Эллис кивнул. Перейдя на английский язык, он сказал:

– Тебе лучше сесть куда-нибудь, Джейн.

– Я не хочу садиться, – отозвалась она раздраженно.

– Мне в самом деле нужно кое о чем тебе рассказать, – настаивал он.

Это не могло быть правдой, *просто не могло*. Джейн почувствовала, как волна панического страха подкатывает комом к горлу.

– Так рассказывай, – выдавила из себя она, – только перестань принуждать меня садиться!

Эллис посмотрел на Жан-Пьера.

– Почему бы тебе не оставить нас одних? – спросил он по-французски.

Теперь Джейн постепенно начал овладевать гнев.

– Что ты собираешься рассказать мне? Почему прямо не заявишь об ошибке Жан-Пьера? Я должна убедиться, что ты не шпион, Эллис, иначе с ума сойду!

– Все не так просто, – сказал Эллис.

– Все очень просто! – Она больше не могла скрывать истерической интонации в своем голосе. – Он утверждает, что ты шпион, работаешь на американское правительство, а мне лгал. Лгал постоянно, бессовестно и изобретательно с тех пор, как я тебя встретила. Это правда? Правда или нет? Ну же!

Эллис вздохнул.

– Да, это правда.

Джейн чувствовала, что готова буквально взорваться от возмущения.

– Ты – мерзавец! – выкрикнула она. – Ты подлый мерзавец!

Лицо Эллиса сделалось жестким, приняло каменное выражение.

– Я хотел во всем признаться тебе сегодня, – сказал он.

В дверь постучали, но они оба никак не отреагировали на это.

– Ты шпионил за мной и за моими друзьями! – визжала Джейн. – Мне так теперь стыдно!

– Моя работа здесь завершена, – попытался объяснить Эллис. – Мне не придется снова обманывать тебя.

– А у тебя и шанса не будет. Я не желаю больше тебя видеть.

Стук раздался еще раз, и Жан-Пьер сказал по-французски:

– У вашей двери кто-то стоит.

Но Эллис не обращал на него внимания.

– Ты ведь не можешь говорить так всерьез! Что не желаешь больше видеть меня.

– Кажется, ты совершенно не понимаешь, как поступил со мной, верно? – спросила она.

– Да откройте вы свою треклятую дверь! – воскликнул Жан-Пьер.

– Боже милостивый... – пробормотала Джейн и подошла к двери. Отперла замок и открыла. Перед ней возникла массивная, широкоплечая фигура мужчины в зеленом вельветовом пиджаке с разрезами на рукавах. – Какого дьявола вам здесь нужно? – И только потом разглядела в его руке пистолет.

Следующие несколько секунд, как показалось, тянулись целую вечность.

У Джейн молнией промелькнула мысль, что если Жан-Пьер говорил правду и Эллис был шпионом, то, вероятно, не менее правдиво было его предупреждение: есть люди, горевшие жаждой мести. А в том мире, где в тайне от нее жил Эллис, «месть» как раз и означала сначала стук в дверь, а потом мужчину с пистолетом на пороге.

Она открыла рот, чтобы закричать.

Мужчина оказался в замешательстве, но лишь на мгновение. Он выглядел удивленным, будто никак не ожидал, что дверь откроет женщина. Его взгляд скользнул по Жан-Пьеру, но потом снова обратился на нее. Он, разумеется, знал – не Жан-Пьер был его мишенью, но пребывал в растерянности, поскольку не видел в комнате Эллиса, скрытого распахнувшейся лишь наполовину дверью.

А потому вместо того, чтобы зайти в крике, Джейн попыталась дверь захлопнуть. Однако он разгадал ее намерения и успел вставить ботинок в проем. Дверь ударилась в нос его башмака и отпружинила назад. И все же, сделав движение вперед, он был вынужден расставить

руки в стороны для сохранения равновесия, и его пистолет теперь оказался нацелен куда-то в угол потолка.

Он убьет Эллиса, подумала Джейн. Да, именно за этим он и пришел. Расправиться с Эллисом.

Она набросилась на убийцу, метя ему в лицо кулачками, стараясь ударить сильнее, поскольку внезапно поняла, что, хотя и ненавидела теперь Эллиса, его гибели допустить не хотела. Но мужчину она задержала совсем ненадолго. Одной своей мощной рукой он отбросил Джейн от себя. Она упала, оказавшись в сидячем положении и сильно поцарапав себе спину у нижней части позвоночного столба.

Последовавшие затем события она видела с ужасающей ясностью.

Рука, так легко избавившаяся от угрозы со стороны Джейн, снова поднялась и распахнула дверь настежь. Пока мужчина поводил стволом пистолета вдоль комнаты, Эллис атаковал его, воздев над головой бутылку с вином. Прогремел выстрел, но чуть раньше бутылка успела опуститься, и звук разбитого стекла почти слился со звуком выстрела.

Джейн, парализованная страхом, смотрела на двух мужчин.

Убийца повалился навзничь, а Эллис остался на ногах, и она поняла, что пуля прошла мимо него.

Эллис наклонился и выхватил пистолет из руки незваного гостя.

Джейн не без труда удалось встать.

– Ты в порядке? – спросил Эллис.

– Жить буду, – ответила она.

Он повернулся к Жан-Пьеру:

– Сколько их еще на улице?

Жан-Пьер выглянул в окно.

– Больше никого.

Эллиса это откровенно удивило.

– Наверняка нашли себе укрытие.

Сунув пистолет в карман, он подошел к книжному шкафу.

– Не приближайтесь, – предупредил он и опрокинул шкаф на пол.

Позади шкафа скрывалась потайная дверь. Эллис открыл ее.

Потом он посмотрел на Джейн пристальным взглядом, задержавшись дольше, чем было нужно в создавшемся положении, как будто хотел еще что-то сказать, но не находил слов. И все же мгновением позже вышел в дверь и исчез из виду.

Немного подождав, Джейн медленно приблизилась к секретной двери и посмотрела, что скрывалось за ней. Там находилась еще одна крохотная квартира-студия, почти совсем не обставленная мебелью, но покрытая повсеместно толстым слоем пыли, словно в нее никто не заходил целый год. В противоположном углу она увидела еще одну распахнутую дверь, ведущую на незнакомую ей лестницу.

Она повернулась и оглядела комнату Эллиса. Убийца продолжал без сознания валяться на полу в луже растекшегося вина. Он пытался застрелить Эллиса. Да, расправиться с ним прямо здесь, в этой комнате. Уже сейчас все происшедшее представлялось совершенно нереальным. Впрочем, нереальным казалось вообще все: Эллис оказался шпионом, Жан-Пьер узнал об этом, Рахми попал под арест, а у Эллиса имелся запасной путь для бегства.

И вот он пропал. «Я не желаю больше тебя видеть», – сказала она ему всего несколько секунд назад. Сейчас представлялось, что ее слова окажутся пророческими и она никогда не увидит его.

С лестницы донеслись чьи-то шаги.

Джейн оторвала взгляд от тела потенциального убийцы и посмотрела на Жан-Пьера. Тот тоже выглядел пораженным страхом. Но всего лишь через мгновение он пересек комнату, чтобы обнять ее. Она склонила голову ему на плечо и разрыдалась.

Часть вторая. 1982 год

Глава четвертая

Река ниспадала с ледника в горах – холодная, чистая и всегда стремительная. Она наполняла долину своим несмолкаемым шумом, неся бурлящие потоки воды через расщелины, мимо склонов с полями пшеницы на своем долгом, но ничем не сдерживаемом пути к расположенной где-то очень далеко низине. Почти целый год этот звук постоянно стоял в ушах Джейн. Порой очень громкий, когда она отправлялась купаться или шла извилистой скалистой тропой, проложенной между кишлаками, порой приглушенный, как сейчас, пока она находилась на вершине высокого холма, откуда река Пяти Львов лишь слегка поблескивала на большой дистанции от нее, и слышался только ее мягкий гул. Однажды она навсегда покинет долину, и тогда полная тишина станет действовать ей на нервы, и она уподобится горожанину, который никак не может заснуть, уехав отдыхать в провинцию, потому что ему мешает чрезмерное спокойствие новых мест. Вслушавшись, она различила другой звук, поняв, что именно он навел ее только что на мысли о всегдашнем и привычном шуме. Перекрывая грохот течения реки, доносился густой баритон турбовинтового самолета.

Джейн открыла глаза. Это был «Антонов», медленный и вкрадчивый, как хищник, воздушный разведчик, чье появление обычно служило предвестником предстоявшего налета более быстрых и громче ревущих реактивных бомбардировщиков, устремлявшихся к своей цели. Она села в постели и с беспокойством посмотрела в сторону кишлака.

Сама Джейн находилась в надежном секретном укрытии под широким и плоским утесом, накрывавшим узкое пространство ближе к вершине скалы. Этот горный отрог нависал над ее жилищем и прятал от наблюдателей с самолетов, не заслоняя в то же время солнечных лучей. Спуститься сюда с вершины мог отважиться только опытный альпинист. Снизу же к ее убежищу вела крутая и каменистая тропа, лишенная какой-либо растительности по сторонам, а потому никто не смог бы забраться сюда так, чтобы Джейн его не услышала и не увидела заранее. Впрочем, забираться к ней едва ли кому-то могло прийти в голову. Джейн нашла для себя это местечко сама, но совершенно случайно, когда бродила по окрестностям и заблудилась. Уединенность была крайне важна, поскольку только здесь она могла позволить себе снять одежду и нагишом полежать, нежась на солнце. Ведь афганские крестьяне отличались даже большей застенчивостью, чем любые монахи. Заметив ее голой, они вполне способны были линчевать ее за похотливую нескромность и злостное нарушение местных обычаев.

Справа от нее пыльный холм резко уходил вниз. У подножия холма, где склон постепенно выравнивался рядом с руслом реки, приютился кишлак под странным названием Банда – пятьдесят или шестьдесят хижин, построенных на неровной скалистой почве, на которой невозможно было бы ничего выращивать. Домики возвели из серого камня и сырых глинистых кирпичей. Плоские крыши покрыли спрессованной землей, накрытой циновками. Рядом с небольшой мечетью сгруппировались несколько разрушенных хижин: русскому бомбардировщику пару месяцев назад удалось точное попадание. Джейн могла видеть кишлак вполне отчетливо, хотя добираться до него пришлось бы не менее двадцати минут по крайне опасной тропе. Она всмотрелась в крыши, в окруженные стенами дворы, изучила каменистые проулки, стараясь разглядеть отбившихся от взрослых детей, но, к счастью, никого там не оказалось – Банда стоял совершенно опустевшим под жарким синим небом.

Слева от него долина расширялась. На небольших полях среди крупных валунов виднелись воронки от бомб, а в нижней части склона несколько древних стен террас обрушились. Пшеница поспела, но урожай никто не спешил собирать.

Дальше за полями у подножия высокой, вздымавшейся отвесно скалы, обозначавшей границу долины, бежала река Пяти Львов: местами глубокая, местами мелкая, то широкая, то узкая, но повсюду стремительная, с каменистым дном. Джейн прошла взглядом по всему видимому участку ее русла. Она не увидела на берегу ни женщин там, где они обычно мылись или стирали, ни детишек, игравших на отмелях, ни мужчин, переводивших вброд лошадей или ишаков.

Джейн задумалась, не одеться ли ей, чтобы покинуть свое укрытие и вскарабкаться выше по склону холма к пещерам. Именно там собрались сейчас все обитатели кишлака. Мужчины отсыпались после ночной работы в полях, женщины стряпали и приглядывали за детьми, коровы стояли в загонах, коз держали на привязи, собаки грызлись друг с другом за самые лучшие куски объедков. Вполне вероятно, что они и сейчас находились в полной безопасности, поскольку русские подвергали бомбежкам кишлаки, а не голые отроги гор, но всегда существовала угроза, что в ее убежище угодит шальной фугас. А пещера защищала от всего, кроме прямого попадания.

Еще не приняв окончательного решения, Джейн услышала рев двигателей реактивных бомбардировщиков. Она задрала голову в сторону неба, чтобы разглядеть их. Своим роком они заполнили всю долину, заглушив шум реки, пока пролетали мимо курсом на северо-восток, держась все еще высоко, но постепенно начиная снижение. Один, другой, третий, четвертый серебристый убийца, и каждый – вершина технической мысли человечества, применяемая сейчас, чтобы калечить неграмотных крестьян, разрушать каменные и глинобитные хижины, а затем вернуться на свою базу со скоростью семисот миль в час.

Минуту спустя они уже пропали из виду. Сегодня Банду снова пощадили. Джейн постепенно расслабилась. Реактивная авиация наводила на нее ужас. Хотя прошлым летом Банда вообще избежал бомбардировок, и долина в целом получила потом передышку в течение зимы, но все началось опять с приходом весны, и по Банде нанесли несколько ударов, однажды почти разрушив самый центр деревни. Именно тогда Джейн от всей души возненавидела реактивные бомбардировщики.

Мужество сельских жителей просто поражало ее. Каждая семья устроила для себя запасное жилище в одной из пещер, и каждое утро они взбирались по круче холма, чтобы провести там день, возвращаясь в низину с наступлением сумерек, поскольку ночью бомбы им не угрожали. Работать на полях в дневное время было опасно, и потому мужчины обрабатывали их ночью. То есть не все мужчины, а представители старшего поколения. Молодые же чаще всего отсутствовали, сражаясь с русскими в южном конце долины или еще дальше. Нынешним летом бомбардировки стали как никогда прежде интенсивными во всех районах, занятых повстанцами, согласно информации Жан-Пьера, полученной им у партизан. И если афганцы в других частях страны походили на тех, кого она видела в этой долине, то они наверняка сумели приспособиться к военным условиям и выживать в них. Они отважно спасали немногочисленные ценные вещи из-под руин разрушенных бомбами домов, неутомимо возрождали почти уничтоженные поля и огороды, бережно выхаживали раненых, достойно прощались с погибшими и посылали порой совсем еще юнцов в отряды повстанцев. Русские никогда не смогут победить этот народ, постепенно уверилась Джейн, если только не превратят весь Афганистан в радиоактивную пустыню.

А вот смогут ли повстанцы одержать верх над русскими? Этот вопрос представлялся намного более сложным. Они храбры и непокорны, контролировали сельские районы, но враждовавшие между собой племена ненавидели друг друга едва ли не сильнее, чем оккупантов, а их ружья оказывались бесполезны в борьбе против реактивных бомбардировщиков и бронированных вертолетов.

Она постаралась выбросить все мысли о войне из головы. День был в разгаре, время сиесты, когда ей нравилось побыть в одиночестве и расслабиться. Она запустила руку в бурдюк

из козлиной кожи, где хранила очищенное масло, и принялась смазывать туго натянутую кожу своего огромного живота, в очередной раз спрашивая себя, как могла быть настолько глупа, чтобы забеременеть в Афганистане.

Она привезла с собой двухгодичный запас противозачаточных пилюль, контрацептивную диафрагму и целую коробку тубиков с гелем, убивающим сперматозоиды. Но всего несколько недель спустя после менструации забыла возобновить прием таблеток, а потом несколько раз пренебрегла использованием диафрагмы. «Как ты могла наделать столько ошибок?» – заходился в истерику Жан-Пьер, а она не могла дать ему вразумительного ответа.

Вот только сейчас, лежа на солнышке, она радовалась своей беременности, любовалась разбухшими грудями, старалась не обращать внимания на постоянные боли в спине и понимала, что допустила все ошибки преднамеренно. Это был почти профессионально исполненный промах, необходимость в котором диктовалась ее подсознанием. Она хотела иметь ребенка, знала, что Жан-Пьер и слышать о нем не желает, и потому зачала так, словно все произошло случайно.

Почему мне до такой степени понадобился младенец? – снова и снова мысленно анализировала она свой поступок, и однажды объяснение пришло само собой. Потому что я была очень одинока.

– Неужели это правда? – Она снова задала подобный вопрос вслух.

Тогда в этом поистине простом ответе заключалась горькая ирония судьбы. Она ведь никогда не чувствовала одиночества в Париже, хотя долго жила одна, покупала продукты только для себя самой и часто разговаривала с собственным отражением в зеркале. Но сейчас, будучи замужем, проводя каждый вечер и каждую ночь вместе с супругом, а днем работая бок о бок рядом с ним, – именно сейчас ею овладевало ощущение изоляции от других людей, страха и полного одиночества.

Они поженились в Париже перед самой отправкой сюда. Ей это почему-то показалось естественной частью начинавшегося приключения: еще один элемент новизны, еще один рискованный эксперимент, занятное событие в жизни. Все твердили, насколько счастливой, красивой и отважной парой влюбленных они выглядят, и внешнее впечатление не было обманчивым.

Чуть позже она поняла, что ожидала слишком многого. Ей представлялось, как постепенно ее любовь и близость с Жан-Пьером станут еще крепче. Она надеялась, например, узнать о его детских влюбленностях в девочек, выяснить, чего он на самом деле боялся больше всего, и даже верно ли, что мужчины стряхивали последние капли с членов после того, как справляли малую нужду. В ответ она тоже была готова на откровенность. Она рассказала бы ему, что ее отец был алкоголиком, что она порой фантазировала, как ее насилует чернокожий юноша, что у нее сохранилась привычка сосать большой палец в состоянии глубокой задумчивости или волнения. Но, как выяснилось, сам Жан-Пьер не считал женитьбу поводом что-либо менять в их прежних отношениях. Он обращался с ней ласково, часто смешил, впадая в обычное маниакальное настроение, беспомощно искал утешения в ее объятиях в периоды депрессии, обсуждал с ней политику и войну. Он со знанием дела занимался с ней сексом раз в неделю, отдавая ей свое молодое долговязое тело, пуская в ход опытные, сильные и чувствительные руки хирурга, но в целом вел себя с ней скорее как любовник, нежели любящий муж. Она все еще никак не могла заставить себя поговорить с ним о самых простых, даже глуповатых вроде бы вещах. Например, спросить, верно ли, что под шляпой ее нос начинал выглядеть длиннее, чем был на самом деле. Рассказать, насколько ее все еще бесил тот случай, когда ее наказали за разлитые по ковру в гостиной красные чернила, хотя виновата была ее сестра Полина. Ей отчаянно хотелось спросить у кого-нибудь: «Так все и должно продолжаться или со временем семейная жизнь станет намного лучше?» Но только ее друзья и близкие находились очень далеко, а любая афганская женщина посчитала бы ее надежды на будущее чем-то

неслыханным и даже возмутительным. Ей приходилось подавлять соблазн прямо поделиться с Жан-Пьером своим разочарованием. Отчасти потому, что ее жалобы на жизнь прозвучали бы несколько невнятно для нее самой, а еще ее снедал страх, какой будет его реакция, какие ответы на свои вопросы она получит от него.

Оглядываясь назад, она понимала, что идея завести ребенка постепенно вкралась в ее сознание намного раньше, когда она еще встречалась с Эллисом Талером. В тот год она даже слетала из Парижа в Лондон на крестины третьего отпрыска сестры Полины, чего прежде никогда не сделала бы, поскольку терпеть не могла формальных сборищ своей семьи. Кроме того, она подрядилась няней к супружеской паре, жившей в одном с ней доме: истеричному торговцу антиквариатом и его жене, обладавшей аристократическими манерами. Причем больше всего ей нравились моменты, когда их крохотный сынишка начинал плакать, и приходилось брать его на руки, чтобы успокоить.

А потом уже здесь, в долине, где одной из ее обязанностей стало уговаривать местных жительниц не так часто заводить детей, чтобы вырастить более здоровыми уже рожденных, она внезапно поняла, насколько близко к сердцу принимает известие о каждой новой беременности, насколько разделяет радость при появлении еще одного младенца даже в самых бедных и тесно живших семьях. Так одиночество и материнский инстинкт исподволь одержали победу над здравым смыслом.

Бывали ли моменты – пусть самые короткие, когда она догадывалась, что подсознание подталкивает ее к беременности? Приходила ли ей в голову мысль: «Я могу залететь» – в мгновения близости с Жан-Пьером, пока он входил в нее, скользя медленно и даже грациозно, как всплывает красивый парусник в гавань, а она сама крепко обвивала руками его тело? Возникали ли у нее подозрения в те секунды перед наступлением у него оргазма, когда он плотно смыкал веки и, казалось, полностью уходил в собственные ощущения, но воспламенялся, как космический корабль, слишком приблизившийся к поверхности Солнца? Или позже, когда она проваливалась в блаженный сон, ощущая внутри себя его еще теплое семя?

– Понимала ли я это? – спросила она теперь вслух. Однако мысли о сексе возбудили ее, она начала с величайшей нежностью ласкать себя скользкими от масла пальцами, сразу же забыв обо всех вопросах и дав своему сознанию наполниться смутными образами, навеванными страстью.

Рев двигателей самолетов резко вернул ее в реальный мир. Она пристально, с испугом пронаблюдала, как еще четыре бомбардировщика пронесли над долиной и исчезли вдаль. Когда их шум затих, она стала снова пытаться гладить себя, но настрой уже пропал, был безнадежно испорчен. Она лежала неподвижно под солнцем и размышляла о своем ребенке.

Жан-Пьер воспринял известие о ее беременности так, словно это было предумышленным актом, направленным против него. Он пришел в такую ярость, что пожелал сделать аборт лично и незамедлительно. Джейн его стремление расценила как ужасающе злое, и он сразу же представился ей совершенно чужим. Но тяжелее всего оказалось перенести ощущение отверженности. Мысль, что муж не хотел завести от нее ребенка, привела ее в полное отчаяние. А он только усугубил горе, отказавшись вообще даже прикасаться к ней. Никогда в жизни не была она так несчастна. Впервые она начала понимать, почему некоторые люди решаются на самоубийство. Прекращение всякой физической близости превратилось в худшую из пыток. Она предпочла бы даже, чтобы Жан-Пьер жестоко избил ее, настолько велика была ее потребность в его прикосновениях к себе. Когда Джейн вспоминала теперь те дни, все еще злилась на него, хотя понимала, что сама навлекла его отчуждение к себе.

Затем как-то утром он обнял ее, извинившись за свое поведение, и хотя какая-то часть ее хотела прямо заявить: «Твоих извинений мне недостаточно, скотина!» – она всем остальным своим существом желала быть им любимой и сразу же простила ему все. Он же объяснил, что почти все время и так опасался потерять ее, а если бы она стала матерью их сына, его страх

мог лишь усилиться, поскольку в таком случае он уже рисковал потерять сразу двоих любимых им людей. Это признание тронуло ее до слез. Она поняла, что беременность окончательно и прочно привязала ее к Жан-Пьеру, и решила про себя сделать их брак счастливым любой ценой.

После этого он стал относиться к ней со значительно большей теплотой. Проявлял интерес к постепенному росту младенца в ее утробе, его стало беспокоить состояние здоровья и безопасность Джейн. Словом, он стал похож на подлинного отца, с нетерпением ожидавшего появления на свет наследника. Их семейная жизнь вновь стала пусть не до конца совершенным, но вполне счастливым союзом, думала Джейн, и рисовала себе воображаемые картины идеального будущего, где Жан-Пьер становился министром здравоохранения Франции в составе социалистического правительства, она сама видела себя членом Европейского парламента, а детей хотела завести троих. Один из них будет учиться в Сорбонне, второй – в знаменитой лондонской школе экономики, а третий отправится в Нью-Йорк, чтобы получить образование в академии исполнительских искусств.

В этих фантазиях их старшим и самым умным ребенком оказывалась непременно девочка. Джейн касалась своего живота, нежно надавливала на него кончиками пальцев, почти в точности ощущая очертания тельца внутри. Если верить Рабии Гуль, старой деревенской повитухе, Джейн вынашивала именно девочку, поскольку плод располагался ближе к левой стороне, тогда как мальчики обычно лежали правее. А потому Рабия порекомендовала будущей матери овощную диету. Для мальчика она посоветовала бы потреблять как можно больше мяса. В Афганистане мужчин начинали лучше кормить еще до их рождения.

Течение мыслей Джейн прервал громкий грохот. На мгновение она растерялась. Звук поначалу ассоциировался у нее с самолетами, только что пролетевшими мимо, чтобы разбомбить какой-то другой кишлак. Но потом где-то совсем близко она услышала тонкий и пронзительный детский визг, исполненный боли и ужасающего страха.

Тогда она сразу поняла, что произошло на самом деле. Русские, переняв тактику американцев во Вьетнаме, буквально начинили всю округу противопехотными минами. Их официальной целью было стремление перекрыть партизанские пути снабжения, но поскольку «партизанскими путями снабжения» служили обычные горные тропы, которыми ежедневно проходили во множестве старики, женщины, дети и домашние животные, подлинной задачей оккупантов стало внушение повсеместного ужаса всему населению страны. Крик как раз и означал, что какой-то ребенок ненароком наступил на мину и вызвал детонацию.

Джейн вскочила на ноги. Звук, показалось ей, донесся откуда-то поблизости от дома муллы, который стоял в полумиле от самого кишлака рядом с крутой каменистой тропой. Джейн почти всегда могла смутно видеть его слева и немного ниже своего укрытия. Она встала ноги в башмаки, схватила одежду и побежала в том направлении. Первый продолжительный крик оборвался и перешел в череду коротких испуганных воплей. Джейн поняла, что ребенок успел разглядеть повреждения, нанесенные миной его тельцу, и кричал теперь в большей степени от страшного зрелища, открывшегося его глазам. Поспешно продираясь через низкорослый, но колючий кустарник, Джейн осознала, что и сама уже охвачена паникой, настолько терзали сердце страдания по всем признакам тяжелораненого ребенка.

– Успокойся, – сказала она сама себе, чувствуя, как у нее перехватывает дыхание. Если бы она сейчас упала и сильно ушибла ногу, в беде оказались бы они оба без всякой надежды на помощь. А кроме того, не могло быть ничего страшнее для перепуганного ребенка, чем такой же перепуганный взрослый человек.

Джейн уже приближалась к нему. Ребенка она наверняка обнаружит рядом в кустах, а не на самой тропе, поскольку тропы мужчины сразу очищали от мин после каждого их сбрасывания с самолетов, вот только никому не под силу было разминировать весь склон холма.

Джейн остановилась и прислушалась. Дышала она так громко, что пришлось задержать воздух в легких. Крики доносились из-за зарослей верблюжьей колючки и можжевельника. Она протиснулась сквозь растительность и сумела разглядеть ярко-голубое пальтишко. Ребенком оказался Муса, девятилетний сын Мохаммеда Хана – одного из лидеров партизан. Секунду спустя она уже стояла рядом с ним.

Мальчик опустил на колени прямо в пыли. По всей видимости, он попытался поднять мину, потому что взрывом ему оторвало кисть руки, и теперь он смотрел округлившимся от ужаса глазами на ее окровавленный обрубок и исходил визгом.

За последний год Джейн довелось видеть немало разного рода ран, и все же она не могла сдержать приступа острой жалости.

– О боже милосердный! – воскликнула она. – Бедное дитя!

Она тоже встала на колени вместе с ним и обняла, бормоча слова утешения. Уже скоро он перестал кричать. Джейн даже надеялась, что теперь он просто заплачет, но мальчуган в глубоком шоке впал в полнейшее молчание. Держа его в объятиях, она ошупала его предплечье и нашла место, пережав которое, смогла остановить обильное кровотечение.

Ей понадобилась его помощь. Она была обязана заставить его говорить.

– Муса, как это случилось? – спросила она на языке дари.

Он не отвечал. Она повторила вопрос.

– Я подумал... – Его глаза сделались еще шире при воспоминании о происшедшем, и голос снова перешел почти в визг, когда он продолжил: – Я подумал, что это МЯЧИК!

– Ну-ну, чуть тише, – пробормотала она. – Скажи мне, что ты сделал?

– Я ПОДОБРАЛ ЕГО! Я ПОДНЯЛ ЕГО!

Она крепче обняла мальчугана, все еще успокаивая.

– И что случилось потом?

Его голос оставался дрожащим, но истерика прекратилась.

– Он бабахнул в моей руке, – сказал Муса, достаточно быстро унимая страх и возбуждение.

Она взяла его правую руку и положила под мышку левой.

– Сжимай там, где сжимала я, – попросила она и наложила его пальцы туда, откуда только что убрала свои. Кровь снова потекла из раны. – Жми сильнее, – велела она.

Мальчик подчинился, и струя крови перестала изливаться. Джейн поцеловала его в лоб. Он оказался влажным и холодным.

Она бросила свою одежду кипой рядом с Мусой. Ее облачение состояло из того, что обычно носили афганские женщины: мешковатое, похожее на балахон платье поверх хлопчатобумажных штанов. Она взяла платье и разорвала тонкую материю на несколько полос, а затем принялась накладывать жгут. Муса наблюдал за ней круглыми от страха глазами, но молча. Отломив сухую ветку от куста, она использовала ее, чтобы окончательно затянуть жгут.

Теперь он нуждался в перевязке, болеутоляющем лекарстве, в антибиотике, чтобы предотвратить возникновение инфекции, и в своей матери, которая смягчила бы для него душевную травму.

Джейн влезла в свои штаны и затянула на них пояс. Она уже жалела, что в спешке совершенно уничтожила платье – вполне можно было сохранить хотя бы его верхнюю часть. А теперь оставалось надеяться, что по пути к пещерам ей не встретится ни один мужчина.

Да и как она сможет доставить туда Мусу? Она не хотела заставлять его идти самостоятельно, не могла посадить себе на спину, потому что он не мог держаться за ее шею. Джейн вздохнула. Ей придется нести его на руках. Она присела на корточки, завела одну руку ему под плечи, а другую – под колени, а потом подняла, используя в большей степени силу ног, чем спины, как ее научили на занятиях по физической подготовке французские феминистки. Пристроив ребенка на груди, чтобы его тело упиралось в верхнюю часть ее живота, она начала

медленно подниматься в гору. Ей удалось это только лишь потому, что мальчик почти постоянно голодал – девятилетний европейский ребенок оказался бы значительно тяжелее.

Вскоре она выбралась из кустов и вышла на тропу. Но не успела пройти и пятидесяти ярдов, как уже совершенно выбилась из сил. В последние несколько недель она уставала очень быстро. Это выводило ее из себя, но пришлось смириться и принять повышенную утомляемость как должное. Она опустила Мусу на землю и постояла рядом, ласково поглаживая его, пока сама отдыхала, опершись о край скалы, проходившей вдоль одной из сторон тропы. Мальчик окончательно умолк, словно окаменев, и это тревожило ее значительно больше, чем его прежние отчаянные крики. Как только ей стало немного легче, она подобрала свою ношу и снова двинулась в путь.

Через пятнадцать минут она опять дала себе отдых почти у вершины холма, когда впереди на тропе показался мужчина. Джейн узнала его.

– О нет, – прошептала она по-английски. – Надо же, чтобы из них всех первым мне повстречался именно Абдулла.

Это был низкорослый человек примерно сорока пяти лет и достаточно полный, несмотря на постоянную нехватку в кишлаке продуктов. Помимо коричневого тюбана и широких черных брюк, он носил свитер с ромбовидным узором и синий двубортный пиджак в тонкую полоску, который выглядел так, словно прежде принадлежал лондонскому биржевому маклеру. Пышная борода была рыжей. В Банде он исполнял обязанности муллы.

Абдулла питал недоверие к иностранцам, презирал женщин, но особенно ненавидел всех, кто практиковал западные методы медицины. Джейн принадлежала ко всем трем этим категориям людей, а потому не имела ни малейшего шанса снискать его расположение к себе. Положение усугублялось тем, что уже очень многие жители долины поняли: антибиотики, которые им давала Джейн, служили гораздо более эффективным средством против любых инфекций, чем попытки вдыхать дым тлеющих бумажек с заклинаниями, написанными Абдуллой шафранными чернилами. И мулла терял на этом часть своих доходов. Он отреагировал, окрестив Джейн «западной шлюхой», но ему трудно было бы навредить ей по-настоящему, поскольку они с Жан-Пьером пользовались покровительством Ахмед-Шаха Масуда, лидера местных борцов сопротивления, и даже мулла не осмеливался прямо выступить против столь прославленного в народе героя.

Заметив ее сейчас, он резко остановился, и выражение тупого недоверия снова превратило его обычно столь важное лицо в комическую маску. Едва ли ей мог попасться навстречу более неприятный человек. Любой другой деревенский мужчина оказался бы смущен или даже возмущен, увидев Джейн полуодетой, но Абдулла пришел в подлинную ярость.

Джейн решила опередить его, окончательно поразив своей дерзостью. Она сказала на дари:

– Да пребудет с вами мир.

Эта фраза служила началом формального обмена приветствиями, который зачастую растягивался на несколько минут. Но Абдулла не ответил традиционным: «И с вами тоже». Вместо этого он открыл рот и визгливым тоном стал поливать ее оскорблениями, самыми грязными эпитетами, словами на дари, означавшими «проститутка», «извращенка» и «растлительница детей». Его физиономия побагровела от ненависти, он приблизился к ней и поднял свою трость.

Все зашло слишком далеко. Джейн указала на Мусу, молча стоявшего рядом с ней и окончательно ослабевшего от боли и потери крови.

– Посмотрите! – выкрикнула она Абдулле. – Неужели не видите...

Но гнев совершенно ослепил его. И прежде чем она успела закончить говорить, он со свистом обрушил деревянную палку ей на голову. Джейн взвыла от боли и злости: ее поразило, насколько сильным оказался удар, и разъярило, что он вообще осмелился так поступить с ней.

Он по-прежнему не замечал раны Мусы. Пристальный взгляд муллы сфокусировался целиком на груди Джейн, и ее молнией пронзила мысль: для него увидеть при свете дня обнаженный бюст беременной белой западной женщины означало пережить одновременно столько оттенков и вариаций сексуального возбуждения и похотливого вожделения, что он мог напрочь лишиться рассудка. Он вовсе не намеревался наказать ее за грехи парой ударов тростью, как порой наказывал за непослушание жену. Сердце его наполнилось жадой убийства.

И внезапно Джейн стало очень страшно – за себя, за Мусу, за своего еще не рожденного младенца. Она попятилась, чтобы оказаться вне его досягаемости, но и он шагнул вперед, снова вздымая трость вверх. Ощувив неожиданный порыв, она прыгнула на него и вонзила пальцы в глаза.

Он взревел, как раненый бык. Ему было не настолько уж больно, не так сильно пострадали глаза, и орал он от возмущения и удивления, что избиваемая им женщина могла решиться на ответное нападение. Но пока он был на время лишен зрения, Джейн обеими руками ухватила его за пышную бороду и потянула. Он качнулся, оступился и упал. Потом скатился на пару ярдов вниз по склону, и его падение предотвратил только карликовый куст лозняка.

Боже, что я натворила! – подумала Джейн.

Глядя на этого исполненного самодовольства и вечной злобы священника в столь унижительном положении, Джейн понимала: он никогда не забудет, как она с ним поступила, ни за что не простит. Он мог пожаловаться «белобородым» – сельскому совету старейшин. Мог пойти к Масуду и потребовать, чтобы чужестранных врачей выслали из страны. Мог даже подговорить других мужчин из деревни забросать Джейн камнями. Но как только она подумала обо всем этом, ее осенила другая мысль. Чтобы каким-либо образом пожаловаться на нее, мулле придется рассказать историю во всех бесславных, позорных для него деталях, и жители деревни станут непременно потом насмехаться над ним – афганцев отличала в этом смысле особая жестокость. А потому вполне вероятно, что ей сойдет с рук подобный проступок.

Она обернулась. У нее был гораздо более важный повод для беспокойства. Муса стоял на том же месте, где она опустила его на тропу, молчаливый и с совершенно лишенным всякого выражения лицом, испытывая слишком сильный шок от боли, чтобы понимать смысл происходившего. Джейн поглубже вдохнула воздух, подхватила мальчика и понесла дальше.

Сделав всего несколько шагов, она добралась до вершины холма и смогла двигаться быстрее по ставшей теперь более ровной тропе. Потом пересекла каменистое плато. Джейн очень устала, спина причиняла ей мучения, но она почти достигла своей цели: пещеры находились под самым гребнем горы. Добравшись до его дальнего края, она уже слышала голоса других детей, когда начала спуск. Всего мгновением позже показалась стайка шестилеток, игравших в «Рай и Ад». Суть игры заключалась в том, чтобы держаться во что бы то ни стало за большие пальцы на ногах, пока двое других ребятшек относили тебя в Рай, если тебе удавалось сохранить нужное положение, или в Ад (им обычно служила куча мусора или отхожее место), если ты невольно отпускал хотя бы один из пальцев. Она с горечью поняла, что Мусе уже не суждено когда-нибудь снова стать участником такой игры, и на нее внезапно нахлынула беспредельная грусть, овладело глубоко трагическое настроение. Дети заметили ее. Пока она проходила мимо, они бросили играть и стали внимательно рассматривать, что она принесла. Один из них шепнул:

– Это же Муса.

Другой повторил имя. А потом они словно скинули с себя оцепенение и побежали вперед, громкими криками сообщая всем новости.

Дневное убежище жителей Банды напоминало лагерь кочевого племени в пустыне: пыльная почва, безжалостно палившее полуденное солнце, угли от погасших костров, на которых готовили пищу, женщины в капюшонах поверх голов, грязная ребятня. Джейн пересекла небольшую плоскую площадку перед входами в пещеры. Женщины уже собирались у самой

просторной из них, где Джейн и Жан-Пьер оборудовали свою больницу. Услышав шум, Жан-Пьер вышел наружу. С огромным облегчением Джейн передала ему Мусу, сказав по-французски:

– Это была мина. Он потерял кисть руки. Дай мне одну из своих рубашек.

Жан-Пьер занес Мусу в пещеру и уложил на ковер, служивший им вместо смотрового стола. Но прежде чем заняться малышом, он скинул с себя сильно выцветшую рубашку цвета хаки и отдал ее Джейн. Она сразу же надела ее.

Джейн чувствовала сначала всего лишь легкое головокружение. Она решила, что сядет и отдохнет в прохладе у самой дальней стены пещеры, но, сделав пару шагов в том направлении, изменила намерение и сразу же опустилась прямо на камни.

– Подай мне несколько тампонов, – распорядился Жан-Пьер.

Она пропустила его просьбу мимо ушей. В пещеру вбежала Халима, мать Мусы, и разразилась пронзительными причитаниями при виде сына. Мне нужно успокоить ее, подумала Джейн, чтобы она смогла сама начать утешать ребенка. Но почему я не могу встать? Кажется, мне лучше будет сейчас закрыть глаза. Всего на минутку.

* * *

К ночи Джейн поняла, что у нее начались роды.

Когда она очнулась после обморока в пещере, у нее усилилось то, что она принимала за боль в спине, вызванную, как ей казалось, необходимостью нести на руках Мусу. Жан-Пьер согласился с поставленным ей самой диагнозом, дал таблетку аспирина и велел лежать спокойно. Рабия, повивальная бабка, зашла в пещеру, чтобы взглянуть на Мусу, и при этом посмотрела на Джейн как-то особенно пристально, но Джейн далеко не сразу сумела истолковать подлинное значение ее взгляда. Жан-Пьер очистил и обработал рваную рану Мусы, вколол ему пенициллин и сделал вторую инъекцию – против столбняка. Теперь ребенку не грозила смерть от заражения крови, которая неизбежно ждала бы его без западных лекарств, но Джейн все равно не могла избежать печальных, но понятных здесь размышлений, стоило ли ему вообще оставаться в живых. Выживать в Афганистане было трудной задачей даже для самых здоровых и сильных мужчин, а увечные дети обычно умирали еще в подростковом возрасте.

Ближе к вечеру Жан-Пьер собрался уходить. Завтра утром он должен был принимать пациентов в другом кишлаке, расположенном в нескольких милях отсюда, и по причинам, которые оставались для Джейн непостижимыми, никогда не пропускал таких миссий, хотя прекрасно знал, что никого из афганцев не удивила бы его задержка на день или даже на целую неделю.

К тому моменту, когда он поцеловал Джейн на прощание, она уже начала подозревать, что боль в спине на самом деле служила одной из примет начинавшихся схваток, ускоренных ее тяжким походом с раненым Мусой на руках. Но поскольку она еще никогда не рожала, разобраться в своих ощущениях с полной ясностью не могла, а наступление родов именно сейчас представлялось ей маловероятным. Она поинтересовалась мнением Жан-Пьера.

– Не стоит попусту беспокоиться, – ответил он резко. – Тебе до положенного срока остается еще целых шесть недель.

Она спросила, не стоит ли ему все же на всякий случай остаться с ней, но он посчитал это совершенно излишним. При этом Джейн даже почувствовала себя глупой и надоедливой, а потому отпустила его в дорогу со всеми необходимыми медицинскими припасами, навьюченными на тощего пони, чтобы он успел добраться до нужного места до наступления темноты и начал работать утром с первыми лучами солнца.

Когда солнце постепенно скрылось за западным склоном холма и долина погрузилась в глубокую тень, Джейн вместе с остальными женщинами и детьми спустилась в темный кишлак, а мужчины отправились в поля собирать урожай, пока бомбардировщики и их пилоты спали.

Дом, где теперь жили Джейн и Жан-Пьер, прежде принадлежал местному лавочнику, который оставил всякую надежду хоть что-то заработать торговлей в военное время (у него ничего теперь не покупали), собрал свой скарб и с семьей перебрался в Пакистан. Большое помещение в передней части дома, прежде занятое магазином, поначалу стало клиникой Жан-Пьера, но только до тех пор, пока возросшая летом интенсивность бомбардировок не принудила жителей кишлака прятаться днем по пещерам. Задняя часть дома делилась на две больших комнаты. Одна предназначалась для мужчин и их гостей, другая – для женщин и детей. Жан-Пьер и Джейн стали использовать их как спальню и гостиную. К дому примыкал окруженный глинобитной стеной внутренний двор, где располагался очаг для приготовления пищи и небольшой пруд для стирки, мытья посуды и детей. Лавочник оставил кое-какую грубо сработанную самодельную мебель, а местные жительницы одолжили Джейн несколько красивых ковров, чтобы покрыть полы. Жан-Пьер и Джейн спали на голом матрасе, как все афганцы, но одеяла им заменяли более удобные спальные мешки. Уподобляясь афганцам, на день они сворачивали матрас в рулон или расстилали на крыше для проветривания в жаркую погоду. Летом здесь люди вообще привыкли спать прямо на крыше.

Переход от пещер к дому произвел на Джейн необычное воздействие. Боль в спине значительно усилилась, и, добравшись до дома, она готова была сразу же буквально свалиться с ног от тягот дня и переутомления. Ей отчаянно хотелось писать, но сил не хватало, чтобы снова покинуть дом и дойти до туалета, а потому она воспользовалась обычным горшком для таких целей, всегда стоявшим за ширмой в спальне. Именно тогда она заметила небольшое пятнышко крови в паховой части своих хлопчатых шаровар.

У нее не оставалось сил забраться на крышу и спустить вниз матрас, и она легла прямо на ковер в спальне. «Боль в спине» теперь накатывала волнами. Во время очередной такой волны она положила руки на живот и ощутила, как плод шевелится, словно стремясь наружу с усилением боли, но снова замирал, когда боль чуть затихала. Сомнений не оставалось: у нее начались схватки.

Ею овладел страх. Она вспомнила рассказы сестры Полины о том, как она рожала своих детей. После появления на свет первенца Джейн посетила ее, захватив с собой бутылку шампанского и немного марихуаны. Когда они обе в достаточной степени расслабились, Джейн спросила, каково это было на самом деле, а Полина ответила: «Как будто пытаешься высрать арбуз целиком». Они еще потом долго хихикали над такой грубоватой шуткой.

Да, но Полина рожала в больнице при медицинском факультете университета в самом центре Лондона, а не в доме с саманными стенами, притулившимся посреди глухомани долины Пяти Львов.

Что ж мне-то теперь делать? – задалась вопросом Джейн.

Только ни в коем случае не поддаваться панике. Мне необходимо обмыть свое тело теплой водой с мылом, потом найти острые ножницы, подержать их в кипятке пятнадцать минут, взять чистые простынки, лечь на них, потягивать какую-нибудь жидкость и расслабиться.

Но прежде чем она успела хоть что-то сделать, началась очередная схватка, на этот раз боль стала по-настоящему невыносимой. Она закрыла глаза и попыталась дышать медленно, глубоко, размеренно, как учил Жан-Пьер, но вот только все оказалось намного труднее контролировать, когда ей только и хотелось лишь кричать от страха и боли.

Спазм отступил, оставив ее совершенно обессиленной. Она полежала неподвижно, приходя в себя. Пришло понимание: она не способна сделать ничего из намеченного списка. Самой ей не справиться. Как только она чуть еще окрепнет, придется встать и как-то добраться до

соседнего дома, чтобы попросить женщин вызвать к ней повивальную бабку за неимением профессиональной акушерки.

Следующая схватка наступила скорее, чем она ожидала. Ей показалось, что прошло не более одной минуты или максимум двух. Когда напряжение во всем теле достигло невероятной силы, Джейн вслух спросила:

– Почему мне никто не сказал, до чего же это больно?

Как только пик боли миновал, она заставила себя подняться. Ужас при мысли, что придется рожать в одиночестве, придавал ей воли к действию. Она доковыляла из спальни в гостиную. И с каждым шагом начинала чувствовать себя немного бодрее. Вышла во двор, а затем внезапно у нее между бедер заструилась теплая жидкость, и ее шаровары сразу же насквозь промокли. Воды отошли.

– О, только не это, – простонала она.

Встала, прислонившись к косяку двери. Не было никакой уверенности, что она сможет пройти хотя бы несколько ярдов, если намокшие штаны так и норовили сползти с нее. Ко всему прочему добавилось еще и чувство унижения.

– Я должна справиться, – произнесла она.

Но сразу же накатила новая схватка, и Джейн просто безвольно опустилась на пол. Мне все-таки придется все сделать самой, – решила она.

Когда же она в следующий раз открыла глаза, то увидела прямо перед собой лицо мужчины. Ей он показался похожим на арабского шейха – очень смуглая кожа, черные глаза и такие же черные усы, но при этом черты лица носили все признаки аристократизма: высокие скулы, римский нос, белые зубы, удлиненный подбородок. Это был Мохаммед Хан, отец Мусы.

– Слава богу, – хрипло прошептала Джейн.

– Я пришел поблагодарить вас за спасение жизни моего сына, – сказал Мохаммед на дари. – Вы заболели?

– Я рожая ребенка.

– Как? Прямо сейчас? – удивленно спросил он.

– Все произойдет уже очень скоро. Помогите мне вернуться в дом.

Он колебался. Деторождение, как и все, связанное исключительно с женщинами, считалось здесь делом нечистым для участия в нем мужчины. Но надо было отдать ему должное. Его нерешительность не продлилась и нескольких секунд. Он помог ей встать и поддерживал, пока она шла обратно через гостиную в спальню. Там Джейн снова рухнула на ковер.

– Позовите ко мне кого-нибудь, – попросила она.

Он нахмурился, не зная, как поступить, и выглядел при этом просто красивым молодым человеком, почти мальчишкой.

– А где Жан-Пьер?

– Отправился в Хауак. Но мне нужнее сейчас Рабия.

– Верно, – кивнул он. – Я пошлю за ней свою жену.

– Но прежде чем уйдете...

– Да?

– Пожалуйста, налейте мне немного воды.

Эта просьба всерьез шокировала его. Неслыханно, чтобы мужчина обслуживал женщину! Даже если нужно было всего лишь подать стакан с водой.

– Из вот того специального кувшина, – добавила она.

Они всегда держали в отдельном сосуде запас кипяченой отфильтрованной воды для питья. Только так можно было уберечься от многочисленных паразитов, кишевших в местной воде, от которых почти каждый из деревенских жителей страдал на протяжении почти всей своей жизни.

Наконец Мохаммед решил пренебречь вековым обычаем.

– Разумеется, – сказал он.

Потом вышел в соседнюю комнату и быстро вернулся с чашкой воды. Джейн поблагодарила его и жадно приникла к ней губами.

– Я немедленно отправлю Халиму за повивальной бабкой, – заверил ее он.

Халима, конечно же, и была его женой.

– Спасибо, – сказала Джейн. – Только попросите ее поспешить.

Мохаммед удалился. Джейн крупно повезло, что к ней пришел именно он, а не один из прочих деревенских мужчин. Ни один из них, вероятно, не согласился бы даже притронуться к «больной» женщине, но Мохаммед отличался от них в лучшую сторону. Он был одним из самых известных в округе партизан, а фактически считался почти официальным представителем повстанческого лидера, полевого командира Масуда. Мохаммеду едва исполнилось двадцать четыре года, но в этой стране его никто не воспринимал как слишком молодого, чтобы быть партизанским вожаком и отцом девятилетнего сынишки. Он успел отучиться в Кабуле, немного говорил по-французски и понимал, что обычаи и традиции его родной долины не могли считаться единственной правильной формой человеческого поведения во всем мире. Его основной обязанностью была организация караванов из Пакистана с жизненно необходимыми грузами оружия и боеприпасов для борцов сопротивления. С одним из таких конвоев в долину прибыли Джейн и Жан-Пьер.

Ожидая наступления очередной схватки, Джейн вспомнила подробности того жуткого путешествия. Она привыкла считать себя здоровой, активной и достаточно сильной женщиной, легко способной шагать хоть день напролет, но никак не предвидела нехватку в пути продовольствия, крутизну подъемов в горах, неровные каменные тропы и скоро начавшиеся приступы диареи, значительно все осложнявшие. Какую-то часть похода им приходилось совершать только по ночам, опасаясь русских вертолетов. В отдельных местах они сталкивались с враждебным отношением к себе жителей других провинций, которые всерьез считали, что подобные караваны могут навлечь на них авиационные удары. В некоторых деревнях им даже отказывались продавать еду, не разрешали прятаться в своих домах, не желали показать руководителю каравана кратчайший маршрут к лугу или саду, расположенному всего в нескольких милях, или направляли к якобы идеальному месту для лагеря на ночь, на самом деле не существовавшему вовсе.

Из-за постоянных угроз нападения русских Мохаммеду все время приходилось искать обходные пути, менять направление движения каравана. Жан-Пьер еще в Париже догадался найти американские карты Афганистана. Причем они оказались гораздо более точными, чем имевшиеся у партизан, а потому Мохаммед и позже часто наведывался к ним в дом, чтобы изучить карты и разработать маршрут для следующего каравана.

Честно говоря, складывалось впечатление, что Мохаммед заходит к ним несколько чаще, чем того требовала реальная необходимость. Кроме того, он разговаривал с Джейн гораздо охотнее и больше любого другого жителя деревни, иногда уж слишком долго задерживал на ней свой пристальный взгляд и, как она заметила, порой украдкой разглядывал ее фигуру. Джейн невольно думала, что он тайно влюблен в нее или, по крайней мере, был, пока не стали слишком заметны признаки беременности.

Он тоже по-своему привлекал ее. Особенно в описанный период, когда она горевала, чувствуя холодность к себе Жан-Пьера. Мохаммед был строен, смугл от природы, но еще и покрыт бронзовым загаром, силен и властен. Впервые в жизни Джейн испытывала интерес к настолько законченному мужскому шовинисту, каких в Европе неизменно величала свиньями.

Она могла бы даже завести с ним роман. Он, разумеется, как и все партизаны, считался глубоко верующим мусульманином, но Джейн сомневалась, что это могло иметь слишком большое значение. Она считала справедливым не раз высказанное ее отцом мнение: «Религиозные убеждения могут смирить мелкие желания, но ничто не способно остановить подлин-

ную похоть». И его слова очень сердили мамочку. Но в этой пуританской и преимущественно крестьянской стране адюльтер был столь же распространенным явлением, как и повсюду, что Джейн очень скоро поняла, прислушиваясь к болтовне сплетниц у реки, приходивших, чтобы набрать ведро воды или искупаться. Джейн знала даже, как устроить свои любовные дела на стороне. Мохаммед вроде бы ненароком просветил ее по этому поводу тоже. «Вы могли видеть с наступлением сумерек рыбу, выпрыгивающую из реки в водопаде позади самой последней водяной мельницы. Иногда я отправляюсь туда и легко ловлю этих рыбин». Когда темнело, все женщины обычно занимались приготовлением ужина, а мужчины собирались во дворе мечети, беседуя и покуривая. Никто не застал бы любовников так далеко от кишлака, никто не обратил бы внимания на временное отсутствие Джейн или Мохаммеда.

Идея заняться любовью у водопада с этим красивым, хотя и примитивным членом местного племени манила Джейн, но потом она забеременела, а Жан-Пьер сделал признание, до какой степени он боялся потерять ее, и она решила направить всю энергию на сохранение и упрочнение своего брака, не считаясь ни с чем. Поэтому она так ни разу и не побывала у водопада, а когда беременность стала видна отчетливо, Мохаммед престал смотреть на ее тело с прежним вожделением.

Вероятно, именно эта их несостоявшаяся физическая близость внушила Мохаммеду мысль навестить ее настолько вовремя и помочь, тогда как любой другой местный мужчина отказал бы ей в поддержке и мог, чего доброго, попросту сбежать прямо с порога ее дома. Или возможной причиной стал Муса. У Мохаммеда был только один сын (три дочери в счет не шли), и на него давила мысль, что он оказался в долгу перед Джейн. Сегодня я обзавелась и другом, и врагом, подумала она: Мохаммедом и Абдуллой.

Боль вернулась, и она поняла, что ей выдалась более продолжительная, чем прежние, пауза между схватками. Почему они перестали быть регулярными? Это нормально? Жан-Пьер не упоминал о такой возможности. Но правда и то, что он почти забыл даже азы гинекологии, которую изучал три или четыре года назад.

Но эта схватка оказалась самой тяжелой из всех, заставив ее дрожать и чувствовать тошноту. Где же повитуха? Мохаммед должен был уже отправить к ней жену – он не забудет, не передумает. Но подчинится ли жена своему мужу? Конечно же, подчинится – ни одна афганская женщина не посмела бы ослушаться. Зато она могла идти очень медленно, сплетничая по дороге с соседками или даже задержавшись у одной из них на стаканчик чая. Если в долине Пяти Львов допускался адюльтер, то и для ревности существовала почва, а Халима наверняка знала или, по крайней мере, догадывалась о чувствах своего супруга к Джейн – женам свойственна подобная проницательность. И теперь ей претила просьба срочно бежать за помощью для потенциальной соперницы, экзотической белокожей образованной иностранки, которой увлекся муж. Внезапно Джейн почувствовала, что сердится на Мохаммеда и на Халиму. Я не сделала им ничего плохого, подумала она. Почему же они бросили меня? Почему моего мужа нет сейчас рядом?

С началом новой схватки она залилась слезами. Все стало совершенно невыносимо.

– Я больше этого не выдержу, – произнесла она вслух. Ее всю бесконтрольно трясло. Ей хотелось умереть, прежде чем боль еще более усилится. – Мамочка, помоги мне. Помоги, мамочка, – всхлипывала она.

Но вдруг сильная рука перехватила ее через плечо, и раздался женский голос, бормотавшей ей на ухо нечто неразборчивое, но успокаивающее на дари. Не открывая глаз, она вцепилась в женщину, завывая и плача, поскольку схватки становились все интенсивнее, но потом начали постепенно затихать, и каждая порождала ощущение, что она может быть последней или хотя бы последней до такой степени болезненной.

Она подняла взгляд и увидела серьезные карие глаза и похожую на ореховую скорлупу кожу щек старой Рабии, повивальной бабки.

– Да пребудет с вами бог, Джейн Дебу.

Джейн почувствовала облегчение, словно с нее сняли очень тяжелый груз.

– И с вами тоже, Рабия Гуль, – благодарно прошептала она.

– Боль посещает вас часто?

– Каждую минуту или две.

Донесся другой женский голос:

– Ребенок рождается раньше положенного времени.

Джейн повернула голову и увидела Захару Гуль, невестку Рабии, несколько полноватую девушку одного с Джейн возраста с почти иссиня-черными волосами и широким, вечно готовым улыбаться ртом. Из всех деревенских женщин именно к Захаре Джейн испытывала наиболее теплые чувства.

– Я рада, что вы тоже пришли, – сказала она.

– Роды ускорила необходимость нести на себе Мусу к вершине холма, – объяснила Рабия.

– И это единственная причина? – спросила Джейн.

– А разве ее недостаточно?

Значит, они ничего не знают про ее схватку с Абдуллой, подумала Джейн. Он разумно решил сохранить все в секрете.

– Мне приготовить все необходимое для рождения младенца? – спросила Рабия.

– Да, пожалуйста.

Одному богу известно, каким примитивным гинекологическим манипуляциям я позволю подвергнуть себя, размышляла Джейн, но я ничего не смогу сделать одна. Просто не смогу.

– Не желаете ли, чтобы Захара приготовила чай? – спросила Рабия.

– Да, пожалуйста.

По крайней мере, в этом не содержалось пока никаких намеков на суеверия.

Обе женщины взялись за дела. Само по себе их присутствие заставило Джейн почувствовать себя лучше. Как это мило, подумала она, что Рабия попросила разрешения помочь. Западный врач бесцеремонно вошел бы и взялся за дело так, будто он один здесь хозяин положения. Рабия совершила ритуальное омовение рук, призывая в помощь себе пророков, чтобы роды прошли успешно, и только потом тщательно помыла руки с мылом в большом тазу с водой. Захара принесла горшок с дикой рутой, а Рабия сожгла пригоршню мелких темных семян с помощью раскаленных углей. Джейн вспомнила местное поверье, что запах горячей руты помогал изгнать злых духов. Впрочем, она сразу утешила себя – едкий дым хотя бы мешает залетать в комнату мухам.

Рабия считалась не просто повивальной бабкой. Помощь при родах была ее основной обязанностью, но она, кроме того, пускала в ход разного рода магические травы и заклинания, чтобы придать плодовитости женщинам, у которых возникали сложности с зачатием. Располагала она и средствами для его предотвращения, даже для прерывания беременности, но спрос на них был невелик: афганские женщины обычно хотели иметь много детей. К Рабии же обращались и за консультациями по поводу любых «женских» недугов. И неизменно приглашали, если требовалось обмыть тело покойника, поскольку среди мужчин это занятие, как и деторождение, считалось нечистым.

Джейн наблюдала, как Рабия перемещается по комнате. Вполне возможно, она была самой старой жительницей кишлака, достигнув возраста примерно шестидесяти лет. Ее отличал маленький рост – не более пяти футов – и худощавость, свойственная большинству населения этих краев. Морщинистое смуглое лицо обрамляли седые волосы. Она двигалась неспешно. Ее тонкие и костлявые пальцы справлялись с делом точно и эффективно.

Поначалу их отношения с Джейн складывались не слишком гладко, исполненные взаимного недоверия и даже враждебности. Когда Джейн однажды спросила, кого Рабия приглашала помочь себе, если случались сложные роды, старуха гордо и резко заявила: «Быть может, дья-

вол обходит меня стороной, но у меня никогда не было сложных родов, и я ни разу не потеряла ни мать, ни младенца». Зато позже, если деревенские женщины приходили к Джейн с мелкими проблемами менструального цикла или для заурядного определения стадии беременности, она стала отправлять их к Рабии, не выписывая утешительного плацебо, и так между ними начало налаживаться рабочее сотрудничество. Рабия, например, советовалась с Джейн по поводу недавно родившей женщины, у которой развилась вагинальная инфекция. Джейн также снабдила Рабию запасом пенициллина, объяснив, в каких случаях и как применять его. И престиж Рабии значительно возрос, когда всем стало известно, что западные медики доверяют ей, выделяют свои лекарства, а потому в тот раз она уже не побоялась обидеть повитуху, когда объяснила: инфекцию могла занести сама Рабия, поскольку привыкла вручную смазывать родовой канал.

С тех пор Рабия взяла себе за правило приходить в больницу еженедельно, с интересом беседовала с Джейн и наблюдала за ее работой. Джейн использовала эти визиты, чтобы мимоходом внушить гостье самые простые вещи: почему врачи так часто моют руки, зачем держат все инструменты в кипящей воде после того, как используют их, и для чего необходимо давать как можно больше пить детям, страдающим от диареи.

Взамен Рабия поделилась с Джейн некоторыми своими секретами. Джейн с интересом узнала, из чего состояли отвары и мази, приготовленные Рабией, легко догадываясь, почему многие из них действительно оказывали целебное воздействие. Так, ее средства для ускорения наступления беременности содержали частички мозга зайца или кошачьей селезенки, добавляя в обмен веществ пациентки гормоны, которых ей не хватало. А мята или котовник в некоторых снадобьях, вероятно, снимали воспаления, мешавшие зачатию. Имелось в распоряжении Рабии и лекарство, которое она давала женам, чьи мужья мучились от импотенции, и здесь все оказывалось совсем уж элементарно, поскольку отвар содержал значительную дозу опиума.

Недоверие сменилось взаимным уважением, но вот по поводу собственной беременности Джейн предпочла у Рабии не консультироваться. Одно дело – позволить Рабии использовать смесь народной медицины и колдовства, пригодную для афганских женщин, но подвергнуться ее знахарству самой – совершенно иное. Кроме того, Джейн справедливо полагала, что роды у нее примет лично Жан-Пьер. А потому, когда Рабия стала расспрашивать о расположении плода и прописала овощную диету для будущей девочки, Джейн ясно дала ей понять – она будет вынашивать ребенка и рожать, как это принято на Западе. Рабия выглядела немного уязвленной, но приняла такое решение Джейн с чувством собственного достоинства. И вот теперь Жан-Пьер уехал в Хауак, а Рабия оказалась рядом, и Джейн оставалось только радоваться помощи от старой женщины, которая принимала роды сотен детей и сама родила одиннадцать.

На какое-то время боль почти пропала, но в последние несколько минут, пока она наблюдала за неспешными движениями Рабии по комнате, Джейн почувствовала совершенно иное ощущение внизу живота: сильное давление изнутри, сопровождавшееся желанием тужиться. Затем желание сделалось нестерпимым, и она начала напрягать мышцы, стонала, но не от боли, а от самих по себе усилий вытолкнуть младенца из утробы.

Она слышала голос Рабии, доносившийся словно издалека:

– Началось. Это хорошо.

Через некоторое время стремление тужиться пропало. Захара принесла чашку зеленого чая. Джейн села и с благодарностью мелкими глотками выпила чай. Он оказался теплым и очень сладким. Захара – моя ровесница, подумала Джейн, но уже произвела на свет четверых детей, не считая выкидышей и мертворожденных младенцев. Но она отличалась от многих других женщин деревни полнотой, жизнеспособностью, уподобляясь здоровой молодой львице. Она наверняка родит еще нескольких. В первое время, когда большинство ее подруг еще относились к Джейн с подозрительностью и враждебностью, Захара сразу приняла ее с

откровенным любопытством, и Джейн поняла, насколько Захару раздражали многие обычаи и традиции долины, как жадно она готова была воспринимать западные концепции здравоохранения, ухода за детьми и питания. И постепенно Захара стала не только близка Джейн чисто по-человечески, но и очень помогала развивать ее программу просвещения, внедрению элементов здорового образа жизни.

Однако сегодня самой Джейн приходилось учиться методам, принятым в Афганистане. Она проследила, как Рабия расстелила на полу лист полиэтилена (что же они делали в те дни, когда повсюду еще не валялись куски никому не нужного пластика?) и покрыла его слоем насыщенной песком земли, которую Захара принесла снаружи в ведре. Затем Рабия выложила на тряпицу несколько предметов, и Джейн обрадовалась при виде чистых хлопчатобумажных тампонов и новенького лезвия для бритвы, все еще в обертке.

Желание тужиться вернулось, и Джейн закрыла глаза, чтобы полностью сосредоточиться. Ощущения нельзя было назвать чисто болевыми. Они больше походили на то, что происходит при очень сильном запоре. Ей стало понятно: усилия стоит сопровождать стонами, и она даже хотела бы объяснить Рабии – стоны вызвала не боль, не агония, но тужиться приходилось усердно, и говорить Джейн уже не могла ни о чем.

В следующей паузе Рабия встала на колени, развязала поясok на шароварах Джейн и легким движением сняла их с девушки.

– Вы хотите помочиться, прежде чем я обмою вас? – спросила повитуха.

– Да.

Она помогла Джейн подняться, зайти за ширму и держала за плечи, пока она сидела на горшке.

Захара принесла большой кувшин с теплой водой, а горшок забрала из комнаты. Рабия обмыла Джейн живот, бедра и все интимные части тела, впервые делая это торопливо, а не постепенно, как совершала все прежние манипуляции. Затем Джейн снова улеглась. Рабия помыла ей руки и насухо вытерла. Она показала Джейн маленькую баночку с синим порошком. Сульфат меди, предположила Джейн.

– Цвет отпугивает злых духов, – объяснила назначение порошка старуха.

– Что вы собираетесь с ним делать?

– Посыпать немного на ваш лоб.

– Хорошо, – согласилась Джейн и поспешила добавить: – Спасибо.

Рабия действительно прочертила порошком тонкую линию вдоль лба Джейн. Ничего не имею против магии, если она безвредна, подумала Джейн, но что станет делать деревенская знахарка, если возникнет реальная медицинская проблема? И хотелось бы точнее знать, на сколько недель раньше срока родится ребенок.

Ее все еще тревожила эта мысль, когда пришла следующая схватка, а она не успела сосредоточить внимание на стремлении выдержать давление, и в результате испытала особенно сильную боль. Я не должна поддаваться тревоге, подумала она. Надо заставить себя мысленно полностью расслабиться.

Но она почувствовала себя совершенно обессиленной и сонной. Снова закрыла глаза. Ощутила, как Рабия расстегивает пуговицы ее рубашки, той самой, которую она одолжила у Жан-Пьера ранее днем, то есть уже сто лет тому назад. Рабия же начала массировать ей живот, втирая в него какую-то смазку. Вероятно, очищенное масло. При этом она глубоко запускала пальцы в живот. Джейн сразу открыла глаза и сказала:

– Не надо пытаться двигать плод.

Рабия кивнула, но продолжала прощупывание, держа одну руку наверху раздутого живота Джейн, а другую – внизу.

– Головка внизу, – наконец определила она. – Значит, все хорошо. Но ребенок выйдет наружу уже очень скоро. Вам теперь следует встать.

Вместе с Захарой она помогла Джейн подняться и сделать два шага к покрытому землей листу полиэтилена. Рабия расположилась позади нее и сказала:

– Стойте на моих ступнях.

Джейн покорно подчинилась и сделала то, что ей велели, хотя не видела в этом никакой логики, не понимала смысла происходившего. Рабия без особого нажима заставила ее присесть и сама опустилась на корточки сзади. Стало быть, вот в каком положении они здесь рожали.

– Сядьте на меня, – сказала Рабия. – Я смогу удержать вас.

Джейн переместила весь свой вес на бедра старой матроны. Ей стало на удивление комфортно, что придало уверенности.

Она почувствовала, как ее мышцы начали напрягаться опять. Она заскрежетала зубами и опустилась еще ниже, издавая стоны. Захара присела на корточки прямо перед ней. Какое-то время Джейн не воспринимала ничего, кроме этого давления. Но в итоге оно прекратилось. Джейн окончательно лишилась сил и, впад в полусон, перестала искать где-либо опоры, позволив держать себя одной только Рабии.

Затем все началось заново, нахлынула волна острой боли, и возникло резкое ощущение жжения в промежности. Внезапно Захара сказала:

– Младенец выходит.

– Теперь перестаньте тужиться, – распорядилась Рабия. – Позвольте ребенку как бы выплыть наружу самому.

Давление ослабло. Рабия и Захара поменялись местами, и теперь уже Рабия, скрючившись, сидела между ног у Джейн, внимательно наблюдая. Давление возобновилось. Джейн скрипнула зубами.

– Не надо тужиться, – повторила Рабия. – Оставайтесь в полном покое.

Джейн попыталась расслабиться. Рабия посмотрела на нее, подняла руку, прикоснулась к лицу и сказала:

– Не стоит закусывать губы. Расслабьте и рот тоже.

Джейн позволила нижней челюсти отвиснуть и изумленно обнаружила, насколько легче ей стало от столь простого движения.

Жжение между тем возобновилось, став как никогда прежде острым, и Джейн поняла, что младенец уже почти родился: она чувствовала, как он протискивает наружу голову, растянув влагалище невероятно широко. Джейн закричала от боли, но внезапно боль ушла. Наступило мгновение, когда она не чувствовала вообще ничего. Посмотрела вниз. Рабия просунула руки ей между ног, выкликая имена пророков. Сквозь пелену заставших глаза слез Джейн увидела в руках повитухи что-то округлое и темное.

– Не тяните, – взмолилась Джейн. – Только не тяните за голову.

– Не стану, – отозвалась Рабия.

Джейн опять ощутила давление.

– Сделайте небольшое усилие, чтобы вышло плечико, – сказала почти сразу Рабия.

Джейн закрыла глаза и постаралась как можно мягче напрячь мышцы.

Чуть позже Рабия велела снова:

– А теперь еще раз для второго плеча.

Джейн поднатужилась снова, и вдруг огромное напряжение полностью спало, и она могла быть уверена – роды закончились. Она теперь ясно различала крошечное тельце младенца на руках у Рабии. Его кожа была сплошь сморщенной и влажной, а головка покрыта мокрыми и редкими черными волосиками. Пуповина казалась чем-то странным, как толстая синяя веревка, но пульсировавшая подобно кровеносной вене.

– Все в порядке? – спросила Джейн.

Рабия не ответила. Она сложила губы и принялась дуть на помятое и неподвижное личико ребенка.

О боже, неужели он мертв? – мысленно ужаснулась Джейн.

– Все в порядке? – повторила она вопрос.

Рабия дунула еще раз, и младенец открыл свой маленький ротик, издав тонкий вскрик.

– Слава богу, он жив! – воскликнула Джейн.

Рабия взяла чистый тампон из хлопчатобумажной ткани, заменявшей вату, и протерла ребеночку лицо.

– Он выглядит нормально? – спросила Джейн.

Наконец Рабия соизволила заговорить. Глядя Джейн в глаза и улыбаясь, сказала:

– Да. ОНА выглядит нормально.

Она выглядит нормально, повторила про себя Джейн. Она. Я дала жизнь маленькой девочке. У меня дочь!

И только теперь поняла, что окончательно лишилась сил. Сохранять даже сидячее положение казалось невозможным ни секунды дольше.

– Я хотела бы лечь, – сказала она.

Захара помогла ей вернуться на матрац и обложила подушками, подперев спину, чтобы Джейн продолжала сидеть, пока Рабия держала младенца, все еще связанного с матерью пуповиной. Когда Джейн пристроилась поудобнее, Рабия начала сушить тело ребенка самодельными тампонами.

Джейн заметила, что пуповина прекратила пульсировать, скукожилась и побелела.

– Вы можете уже перерезать пуповину, – сказала она Рабии.

– Мы всегда некоторое время выжидаем выхода последа, – возразила повитуха.

– Пожалуйста, сделайте это сейчас же.

Рабия явно сомневалась, но уступила просьбе. Она взяла со стола обрывок белой веревки и обвязала пуповину в нескольких дюймах от пупка младенца. Нужно было обвязать гораздо ближе, подумала Джейн, но потом решила, что это не имело особого значения.

Затем Рабия вынула из обертки новенькое бритвенное лезвие.

– Во имя Аллаха! – провозгласила она и перерезала пуповину.

– Передайте девочку мне, – сказала Джейн.

Рабия положила ребенка ей на руки со словами:

– Только не позволяйте ей пока сосать свою грудь.

Но Джейн твердо знала, что в этом Рабия ошибалась.

– Это поможет ускорить выход последа, – объяснила она.

Рабия пожала плечами.

Джейн приложила младенца личиком к груди. Ее соски набрякли и стали приятно чувствительными, как случилось, когда Жан-Пьер целовал их. Она коснулась одним из них щеки новорожденной, девочка инстинктивно повернула головку и открыла маленький ротик. Как только она поймала его губами, сразу впилась. Джейн удивленно поняла, что это может вызывать почти сексуальное наслаждение. На мгновение это смутило и даже шокировало ее, а потом она подумала: какого черта я должна стыдиться?

Потом ощутила новое движение внутри своего живота. Она подчинилась мгновенно возникшему желанию напрячься, натужиться и почувствовала, как наружу вышла плацента, скользкий послед. Рабия тут же бережно завернула его в кусок ткани.

Младенец прекратил сосать грудь и, как показалось, уснул.

Захара подала Джейн чашку с водой. Она выпила ее залпом. Вкус был восхитительный. Она попросила еще воды.

У нее болело все тело, навалилась тяжелая усталость, но при этом она впала в блаженно счастливое состояние. Она посмотрела вниз на крошечную девочку, мирно спавшую у нее на груди, и почувствовала, что готова тоже уснуть.

– Надо запеленать младенца, – сказала Рабия.

Джейн подняла ребенка – он оказался легким, как кукла, – и передала его старухе.
– Шанталь, – сказала она, когда Рабия брала его. – Мы назовем ее Шанталь.
И лишь затем закрыла глаза.

Глава пятая

Эллис Талер совершил короткий перелет лайнером компании «Истерн эйрлайнз» из Вашингтона в Нью-Йорк. Из аэропорта Ла-Гуардия на такси добрался до отеля «Плаза». Эллис вошел внутрь гостиницы. В вестибюле свернул налево и воспользовался одним из лифтов со стороны 58-й улицы. Вместе с ним в кабину вошли мужчина в деловом костюме и женщина с пакетами из магазина «Сакс». Мужчина поднялся до седьмого этажа, Эллис – до восьмого, а женщина продолжила подъем выше. Эллис прошел затем обширным и сводчатым коридором отеля в полном одиночестве, оказался у лифтов со стороны 59-й улицы, спустился на первый этаж и вышел из «Плазы» через боковую дверь, выходящую как раз на 59-ю улицу.

Убедившись, что за ним никто не следит, он поймал такси на южном углу Центрального парка, доехал до Пенн-стейшн и сел в поезд, направлявшийся в Доугластон в Квинсе.

Строфа из «Колыбельной» Одена³ то и дело крутилась у него в голове на всем пути туда:

Время и страстей пожар
Беспощадно уничтожат красоту
Детей прекрасных, а могила довершит
Бренность жизней эфемерных⁴.

Прошло более года с тех пор, как он сам выдавал себя за подающего надежды поэта в Париже, но вкуса к стихам не потерял.

При этом он все же непрерывно продолжал проверять, нет ли за ним «хвоста», поскольку совершал миссию, о которой его враги не должны были узнать ни в коем случае. Он вышел из вагона во Флашинге и дождался на платформе прибытия следующего поезда. Рядом не оказалось больше никого.

Все эти тщательные меры предосторожности позволили ему очутиться в Доугластоне только к пяти часам. От вокзала он быстро прошагал примерно с полчаса, мысленно прикидывая обстоятельства предстоявшей встречи, слова, которые он использует в разговоре, и разнообразные ожидаемые варианты ответной реакции на них.

Он добрался до улочки в пригороде, откуда открывался вид на пролив Лонг-Айленд, и остановился у небольшого опрятного дома с псевдотюдоровским фронтоном и с витражом, заменявшим стекло в окне одной из стен. На подъездной дорожке стоял малолитражный японский автомобиль. Когда он поднимался к крыльцу, входную дверь открыла светловолосая девочка лет тринадцати.

– Привет, Петал, – сказал Эллис.

– Привет, папочка, – отозвалась она.

Он склонился, чтобы поцеловать ее, ощущая, как всегда при этом, смесь гордости и чувства вины.

Потом оглядел ее сверху вниз. Под футболкой с портретом Майкла Джексона она носила лифчик. Он не сомневался, что бюстгалтер был совершенно новый. Она уже превращается в молодую женщину, подумал он. Будь я трижды неладен!

– Не хочешь ли зайти ненадолго? – вежливо спросила она.

– Конечно.

И последовал за ней внутрь дома. При взгляде на нее сзади женские черты в ней проступали еще более отчетливо. Он вспомнил о своей первой подружке. Ей исполнилось пятнадцать,

³ Уистен Хью Оден – англо-американский поэт. 1907–1973 гг.).

⁴ Перевод И. Моницева.

то есть немногим больше, чем сейчас Петал... Нет, погоди-ка, подумал он: она была моложе. Всего двенадцати лет от роду. Господи, убереги мою дочь от пятнадцатилетних парней!

Они прошли в тесную, но уютную гостиную.

– Присаживайся, пожалуйста, – пригласила она.

Эллис сел.

– Могу я тебе предложить что-нибудь?

– Расслабься, – сказал ей Эллис. – Тебе нет нужды проявлять чрезмерную вежливость со мной. Я ведь твой папа.

Она выглядела растерянной и неуверенной в себе, словно ее упрекали за то, что она не воспринимала как нечто неправильное. Спустя секунду сказала:

– Мне нужно только расчесать волосы. А потом мы можем идти. Извини за задержку.

– Не стоит извинений, – успокоил ее Эллис.

Она вышла из комнаты. Ее излишняя обходительность расстроила Эллиса. Подобное отношение служило ясным признаком, что он по-прежнему оставался для нее чужим. Ему так пока и не удалось стать полноправным членом ее семьи.

После возвращения из Парижа Эллис виделся с ней по крайней мере раз в месяц на протяжении всего года. Иногда они проводили вместе целый день, но чаще он просто водил ее ужинать, что намеревался повторить и сегодня. Чтобы побыть с ней всего лишь час, ему приходилось совершать пятичасовое путешествие с соблюдением мер крайней предосторожности, но она, разумеется, ни о чем не знала. Он ставил перед собой самую скромную задачу: без какой-либо шумихи и драматических сцен занять небольшое, но постоянное место в жизни своей дочери.

А это означало смену рода работы, исполняемой им. Он перестал уезжать в длительные командировки, чем доставил неудовольствие руководству: у них было слишком мало хороших агентов, способных действовать под прикрытием (хотя имелись сотни плохих). Впрочем, он тоже пошел на это неохотно, чувствуя себя обязанным в полной мере использовать свой талант разведчика. Однако он не смог бы завоевать любовь и привязанность дочери, если бы снова исчез на целый год в каком-то отдаленном уголке мира, не имея даже возможности рассказать ей, куда отправляется, зачем и почему на такой длительный срок. И он больше не мог подвергать риску свою жизнь, пока дочка только начинала привыкать к нему.

Он скучал по увлекательным заданиям, по опасностям, с ними связанным, по острым ощущениям от погонь, от охоты за врагами и по необходимому для него сознанию, что он выполняет важную работу, с которой никому не под силу справиться лучше него. Но уж слишком долго его эмоциональные привязанности становились мимолетными, а после того, как он потерял Джейн, ему отчаянно необходим был человек, любивший его по-настоящему и неизменно.

Пока он ждал, в гостиную вошла Джилл. Эллис поднялся из кресла. Его бывшая жена выглядела холодной и совершенно невозмутимой в белом летнем платье. Он поцеловал ее в подставленную для него щеку.

– Как поживаешь? – спросила она.

– Как обычно. А ты?

– Я сейчас невероятно занята.

И она начала рассказывать ему с излишними подробностями, сколько на ней лежало всевозможных обязанностей, а Эллис, как всегда в таких случаях, просто отключил внимание. Он питал к ней нежные чувства, хотя она наводила на него смертную скуку. Было даже странно думать сейчас, что когда-то он был на ней женат. Но она слыла самой красивой девушкой на факультете английского языка и литературы, а он – самым умным из студентов. А еще дело было в 1967 году, когда все находились под вечным кайфом, и произойти могло что угодно. Особенно в Калифорнии. Они поженились, облаченные в белые балахоны, после пер-

вого курса. Им кто-то даже сыграл марш Мендельсона на ситаре⁵. Потом Эллис провалил экзамены, его изгнали с факультета, а потому он подлежал призыву в армию, но вместо того, чтобы сбежать в Канаду или в Швецию, отправился на призывной пункт, как баран на заклание, чертовски удивив этим всех, кроме Джилл. Она давно поняла, что их брак разваливается, и ей было всего лишь любопытно увидеть, каким образом Эллис сбежит он нее.

Он уже лежал в одном из госпиталей Сайгона с пулевым ранением в голень – типичнейшая рана для пилота вертолета, где бронированным было сиденье, но не пол, – когда прибыло официальное уведомление о разводе. Кто-то бросил бумажку ему на койку, пока Эллис навещал сортир, и он обнаружил ее по возвращении вместе с очередной нашивкой за храбрость в виде дубового листа (ставшей для него двадцать пятой) – в те дни награды раздавались направо и налево всем подряд. «Я только что развелся», – сказал он вслух, и солдат на соседней койке всего лишь бросил в ответ: «Ну ты даешь! Не хочешь ли перебраться в картишки?»

Она ничего не сообщила ему о родившемся у нее ребенке. Он узнал об этом только через несколько лет, когда уже обучался искусству шпионажа и отследил местонахождение Джилл, выполняя тренировочное задание. Выяснилось, что у нее есть дочь с типичным для шестидесятых годов именем Петал⁶ и муж Бернард, лечившийся от бесплодия и потому посещавший врача соответствующей специальности. Не уведомив его о дочери, Джилл совершила, пожалуй, единственный дурной поступок, как считал он сам, хотя она неизменно твердила, что неизвестность послужила ему только во благо.

Он настоял на своем праве иногда встречаться с Петал и добился, чтобы она перестала называть Бернарда «папочкой». Но до прошлого года не пытался каким-либо образом принимать участие в их семейной жизни.

– Хочешь воспользоваться моей машиной? – спросила Джилл.

– Если ты не против.

– Конечно же, бери ее.

– Спасибо.

Ему было неловко одалживать у Джилл машину, но путь на автомобиле из Вашингтона оказывался слишком долг, а брать машину напрокат в этом районе слишком часто не желал сам Эллис. Поскольку в один прекрасный день его враги обнаружат это через записи в регистрационных книгах прокатных фирм или по сведениям об использовании им кредитных карт, и возникнет опасность, что им станет известно о существовании Петал. Имелась альтернатива. Он мог каждый раз арендовать автомобиль под чужим именем, но фальшивые удостоверения личности обходились дорого, и агентство не выдавало их тем, кто работал за письменным столом в офисе, как Эллис ныне. А потому он ездил на принадлежавшей Джилл «Хонде» или нанимал местное такси.

Вернулась Петал, распустив по плечам свои белокурые локоны. Эллис снова встал.

– Ключи найдешь в замке зажигания, – сказала Джилл.

Эллис обратился к Петал:

– Иди и садись в машину. Я скоро тоже приду.

Петал вышла, а Эллис снова заговорил с бывшей женой:

– Мне хотелось бы пригласить ее на выходные в Вашингтон.

Джилл не капризничала, но отозвалась твердо:

– Если она захочет поехать с тобой, мешать не стану, но если нет, заставлять тоже не буду.

Эллис кивнул.

– Да, так получится справедливо. Встретимся сегодня немного позже.

⁵ Ситар – древний индийский многострунный музыкальный инструмент.

⁶ Petal – в переводе с английского значит «лепесток».

Он отвез Петал в китайский ресторан, располагавшийся в Литтл-Неке. Ей всегда нравилась китайская кухня. Вне дома девочка вела себя с ним чуть свободнее. Она поблагодарила Эллиса за стихотворение, написанное им к ее дню рождения.

– Я не знаю никого, кому в честь дня рождения посвящали бы стихи, – сказала она.

Но Эллис почему-то так и не смог понять, хорошо она это восприняла или же пренебрежительно.

– Надеюсь, это все же лучше, чем получить поздравительную открытку с нарисованным на ней котенком.

– Да уж. – Она рассмеялась. – Все мои друзья считают тебя очень большим романтиком. А учительница английского даже спросила, публиковал ли ты что-нибудь из своих стихов.

– Мне никогда не удавалось написать чего-то достойного публикации, – признался он. – Тебе по-прежнему нравятся уроки языка и литературы?

– Намного больше, чем математика. Вот что я просто ненавижу.

– Чем вы занимаетесь? Читаете ли, например, пьесы по ролям?

– Нет, но иногда декламируем стихи.

– У тебя есть любимые?

Она на мгновение задумалась.

– Мне очень нравится одно. Про нарциссы.

Эллис кивнул.

– Мне тоже.

– Я только забыла имя автора.

– Уильям Вордсворт.

– Точно.

– А что-нибудь еще?

– Больше ничего в особенности. Меня сильнее привлекает музыка. Ты слушаешь Майкла Джексона?

– Даже не знаю. Не уверен, что мне попадались его композиции.

– Он реально крутой. – Она хихикнула. – Все мои друзья без ума от него.

Она уже во второй раз употребила фразу «все мои друзья». Сейчас в ее жизни настал период, когда группа окружавших ее ровесников приобрела самое важное значение.

– Мне бы хотелось однажды познакомиться с кем-нибудь из твоих друзей, – сказал он.

– Но, папочка, – почти с упреком отозвалась дочь. – Ты для них совсем неподходящая компания. Это же сплошь девчонки.

Слегка смутившись, Эллис какое-то время молча ел. Он заказал себе к ужину бокал белого вина: эта приобретенная во Франции привычка осталась при нем и в Штатах.

Покончив с трапезой, он сказал:

– Послушай, я тут вот о чем подумал. Почему бы тебе не приехать в Вашингтон и не провести выходные у меня дома? Всего час на самолете, а потом мы сможем отлично повеселиться.

Она была неожиданно сильно удивлена его приглашением.

– А что там такого, в этом твоём Вашингтоне?

– Ну мы, к примеру, могли бы совершить экскурсию по Белому дому, где живет президент. К тому же в Вашингтоне находятся некоторые из самых лучших музеев в мире. И ты никогда не бывала в моей квартире. У меня есть вторая спальня...

Его голос сам по себе затих. Он ясно видел, что не сумел заинтересовать ее.

– О, папа, даже не знаю, – сказала она. – У меня по выходным всегда так много дел. Домашняя работа для школы, вечеринки, походы по магазинам, уроки танцев и все такое прочее...

Эллису удалось скрыть, насколько он разочарован и расстроен.

– Ладно, ни о чем не беспокойся, – сказал он. – Быть может, выдастся случайный уик-энд, когда ты не будешь слишком занята и сможешь приехать ко мне.

– Да, да, само собой. – Она испытала откровенное облегчение.

– Я теперь хорошенько обновлю гостевую спальню, обставлю подходящей мебелью, чтобы ты приехала в любое удобное для тебя время и расположилась в ней.

– Хорошо.

– В какой цвет мне покрасить стены?

– Не знаю.

– Но у тебя же есть любимый цвет?

– Наверное, все-таки розовый.

– Тогда я и выберу розовый. – Эллис выдавил из себя улыбку. – Ну, пойдем отсюда?

В машине по дороге домой она спросила, будет ли он возражать, если она проколет себе мочки ушей.

– Не могу тебе сразу ответить, – осторожно прореагировал он. – А как мама относится к такой идее?

– Она говорит, что не будет возражать, если только ты тоже не возражаешь.

Была ли Джилл настолько мила, чтобы искренне включить его в процесс принятия решения по сугубо семейному вопросу, или же старалась переложить на него ответственность?

– Мне не особенно нравится твоё намерение, – сказал Эллис. – По-моему, ты все еще слишком юна, чтобы дырявить себя ради украшений.

– Тогда ты наверняка считаешь меня чересчур юной и для встреч с каким-нибудь молодым человеком?

Эллиса так и подмывало ответить: да, считаю. Она действительно еще не готова к этому. Но не мог же он запретить ей взрослеть?

– Ты уже достаточно большая и можешь ходить на свидания с мальчиками, но только не вступать с ними в серьезные отношения, – сказал он.

Потом искоса бросил взгляд на дочь, чтобы уловить ее реакцию. Она выглядела так, словно он удивил и одновременно позабавил ее. Быть может, у них теперь не была в ходу архаичная формулировка «серьезные отношения»?

Когда они вернулись, на подъездной дорожке уже припарковал свой «Форд» Бернард.

Эллис поставил «Хонду» позади него, и они с Петал вошли внутрь дома. Бернард расположился в гостиной. Низкорослый мужчина с очень короткой стрижкой, он был добряком по натуре, но начисто лишенным воображения. Петал радостно приветствовала его, обняв и поцеловав. Он казался немного смущенным. Крепко пожал Эллису руку и задал традиционный вопрос:

– Ну что там наше правительство в Вашингтоне? Все еще функционирует отменно, как часы?

– Да, по своему обыкновению, – ответил Эллис.

Они полагали, что он служит в государственном департаменте, а суть его ежедневной работы состоит в чтении французских газет и журналов для составления сводки главных новостей, необходимой французскому отделу министерства иностранных дел.

– Выпьешь пивка?

Эллису пива не хотелось вовсе, но он согласился выпить, чтобы просто проявить дружелюбие. Бернард отправился в кухню. Он был управляющим по вопросам кредитования крупного универмага в Нью-Йорке. Казалось, Петал он нравился, она его уважала, и он сам испытывал к ней сдержанную привязанность. Других детей они с Джилл так и не завели. По всей видимости, тот специалист, к которому обращался Бернард, ничем не смог ему помочь.

Он вернулся с двумя бокалами пива и отдал один из них Эллису.

– А тебе самое время отправляться делать домашнее задание, – обратился он к Петал. – Папа непременно попрощается с тобой, прежде чем уехать.

Петал еще раз поцеловала его и убежала наверх. Когда она уже не могла их слышать, он сказал:

– Обычно девочка не столь нежна со мной. Такое впечатление, что она устраивает это демонстративно, как только ты приезжаешь в гости. Даже в толк не возьму, почему.

Зато Эллис прекрасно понимал причину, но не желал пока всерьез задумываться над ней.

– Не надо ни о чем беспокоиться, – сказал он. – Как продвигается твой бизнес?

– Неплохо. Высокие процентные ставки по кредитам не ударили по нам до такой степени, как мы опасались. Оказалось, что люди по-прежнему готовы одалживать деньги, чтобы покупать нужные им вещи. По крайней мере, в Нью-Йорке.

Он тоже сел и принялся потягивать пиво из своего бокала.

У Эллиса неизменно возникало ощущение, что он слегка пугает Бернарда своим крепким телосложением. Это проявлялось даже в том, как он двигался по комнате, уподобляясь собаке, которая редко допускалась внутрь дома и потому всегда держалась чуть поодаль, чтобы находиться вне досягаемости для удара.

Они еще немного поговорили об экономике, а Эллис выпил свое пиво как можно быстрее, потом поднялся, готовый к отъезду. Подойдя к подножию лестницы, выкрикнул:

– До свидания, Петал!

Она выскочила на верхнюю лестничную площадку.

– Так как насчет проколки моих ушей?

– Могу я поразмыслить над этой проблемой? – спросил он.

– Конечно. Пока!

Вниз спустилась Джилл.

– Я отвезу тебя в аэропорт, – сказала она.

– Хорошо, спасибо. – Эллис был немного удивлен ее предложением.

Уже по пути, сидя в машине, Джилл сообщила:

– Петал говорит, что не хочет проводить уик-энд у тебя.

– Знаю.

– Ты этим сильно расстроен, верно?

– А разве по мне заметно?

– Я твои настроения различать умею. Я ведь была твоей женой. – Она сделала паузу. – Мне действительно жаль, Джон.

– Вина целиком лежит на мне. Пока я не появился, у нее был дом, мама и папа – то есть все, что необходимо любому ребенку. А я не просто лишняя фигура в ее мирке. Я стал невольной угрозой ее счастью. Я – вторгшийся к ней в жизнь чужак, дестабилизирующий фактор. Вот почему она так нежно обнимает Бернарда в моем присутствии. Она не хочет причинить мне душевную боль и поступает так, потому что боится потерять *его*. И именно я вызываю у нее этот страх.

– Она справится с ним, – сказала Джилл. – В Америке нет числа детям, у которых два отца.

– Меня это не оправдывает. Я наломал дров и теперь должен принять последствия.

Она снова удивила его, похлопав ладонью по колену.

– Не надо судить себя слишком строго, – сказала она. – Ты просто не создан для такой жизни. Я это поняла уже через месяц после нашей свадьбы. Тебе не нужна простая работа, не нужен дом в пригороде и дети не нужны тоже. Ты немного чокнутый. За это я сначала полюбила тебя, и по той же причине так легко рассталась с тобой. Я влюбилась в тебя, потому что ты был ни на кого не похож: сумасшедший, эксцентричный, способный взволновать. Ты мог вытворить что угодно. Но такие люди никогда не создают нормальных и прочных семей.

Пока она вела автомобиль, он молча сидел рядом и обдумывал ее слова. Она преподнесла все мягко и по-доброму, за что он был ей благодарен. Но правду ли она говорила? Он считал, что нет. Верно, я не хочу иметь домик в пригороде, размышлял он, но мне все-таки нужен свой дом: быть может, вилла в Марокко, мансарда в Гринвич-Виллидж или пентхаус в Риме. Мне не требуется жена как просто хорошая хозяйка, готовящая еду, содержащая дом в чистоте, покупающая продукты и заседающая в школьном родительском комитете. Но мне хотелось бы жить с женщиной, с которой можно обсудить роман, стихи, кинофильм, чтобы беседовать порой ночь напролет. И даже детей завести мне хотелось бы, но воспитать их по-своему, научить значительно большему, чем всего лишь любить песни Майкла Джексона.

Но Джилл он ничего объяснять не стал.

Машина остановилась, и он заметил, что они уже добрались до Восточного терминала. Посмотрел на часы: половина девятого. И поспешил, чтобы успеть на девятичасовой рейс.

– Спасибо, что подбросила, – сказал он.

– На самом деле тебе нужна жена, похожая на тебя, одной с тобой породы, – завершила свои мысли вслух Джилл.

Эллис сразу вспомнил о Джейн.

– Однажды я встретил именно такую.

– И чем же все закончилось?

– Она вышла замуж за симпатичного доктора.

– И этот доктор такой же сумасшедший, как и ты?

– Нет, я так не думаю.

– Тогда они долго вместе не протянут. Когда они поженились?

– Примерно год назад.

– Вот как. – Вероятно, Джилл мгновенно вычислила, что именно в то время Эллис по-настоящему начал пытаться вернуть себе любовь Петал, но ей хватило ума не поделиться с ним этим соображением. – Прислушайся к моему совету. Проверь, как у нее сложились дела с доктором.

Эллис выбрался из машины.

– Скоро позвоню.

– Счастливого пути.

Он захлопнул дверь, и Джилл уехала.

Эллис быстрым шагом вошел в терминал. Он успел попасть на борт всего за пару минут до окончания посадки. Лайнер взмыл в воздух. Эллис обнаружил в кармашке сиденья перед собой свежий номер популярного журнала и стал листать его в поисках сообщений из Афганистана.

Он стал внимательно следить за ходом войны с тех пор, как узнал от Билла в Париже, что Джейн все-таки осуществила свой план и отправилась в Афганистан с Жан-Пьером. Но вот только репортажи оттуда давно перестали занимать первые полосы газет и журналов. Иногда проходила неделя или даже две, когда оттуда не поступало вообще никаких новостей. Но сейчас зимнее затишье миновало, и пресса уделяла ходу военных действий не менее одной статьи чуть ли не ежедневно.

В журнале он обнаружил анализ положения русских в Афганистане. Эллис поначалу отнесся к нему с недоверием. Он-то прекрасно знал, что источником многих подобных статей было ЦРУ. Репортер получал от управления эксклюзивную оценку того или иного события, разработанную разведкой, но на самом деле становился, сам того не подозревая, удобным каналом для распространения дезинформации, направленной против спецслужб противника, и в его писанине оказывалось не больше точных сведений, чем в публикациях газеты «Правда».

Однако на сей раз статья производила впечатление честно выполненной журналистом работы. Русские концентрировали новые войсковые подразделения и доставляли оружие, гово-

рилось в статье, чтобы подготовить массированное летнее наступление. Москва рассматривала предстоящий сезон как решающий: либо им удастся окончательно сломить сопротивление повстанцев, либо придется каким-то образом вступить с ними в переговоры для урегулирования конфликта. Эллису это казалось вероятным сценарием. Он, конечно, проверит донесения от агентов ЦРУ в Москве, но возникало предчувствие, что дела обстояли именно таким образом.

Среди районов предстоявших боев в статье особо отмечалась долина Панишер.

Но Эллис вспомнил, что Жан-Пьер чаще упоминал о долине Пяти Львов. Журналист писал, кроме того, о Масуде – главе сопротивления. О нем Жан-Пьер тоже что-то рассказывал, если Эллиса не подводила память.

Он выглянул в иллюминатор, наблюдая, как наступает закат. Несомненно, подумал он с приливом страха, этим летом Джейн окажется в смертельно опасной ситуации.

Но какое ему теперь до этого дело? Она была замужем за другим. И вообще-то Эллис ничего не смог бы предпринять в любом случае.

Он вернулся к журналу, перевернул страницу и погрузился в чтение публикации о Сальвадоре. Самолет с ревом двигателей несся к Вашингтону. Солнце на западе ушло за горизонт, и там воцарилась ночная тьма.

* * *

Аллен Уиндерман пригласил Эллиса Талера пообедать с ним в ресторане, где подавали отменные морепродукты и откуда открывался вид на реку Потомак. Сам Уиндерман явился с получасовым опозданием. Он принадлежал к числу типичных высокопоставленных вашингтонских чиновников: темно-серый костюм, белая сорочка, галстук в полоску. Гладкий и скользкий, как акула. Поскольку за все платил Белый дом, Эллис заказал себе омара и бокал белого вина. Уиндерман ограничился салатом и минеральной водой «Перье». В нем все казалось безукоризненным: его галстук, его ботинки, плотность его рабочего графика и его полнейший самоконтроль.

Эллис держался настороже. Он не мог отклонить личного приглашения от одного из помощников президента, но ему никогда не нравились подобные секретные и неофициальные обеды, но еще больше ему не нравился сам по себе Аллен Уиндерман.

Тот сразу перешел к делу.

– Мне нужен ваш совет, – начал он.

Эллис остановил его.

– Прежде всего, мне важно знать, проинформировали ли вы мое управление об этой встрече.

Если Белый дом разрабатывал план тайной операции без ведома ЦРУ, Эллис не хотел иметь с ним ничего общего.

– Разумеется, проинформировал, – сказал Уиндерман. – Что вам известно об Афганистане?

Эллис внезапно ощутил, как холодок пробежал по спине. Рано или поздно они припомнят ему Джейн, уже давно считал он. Они знают о ней, само собой. Он же не делал из своих отношений с ней секрета. Рассказывал о ней Биллу в Париже и не скрывал, что собирался сделать ей предложение. А позже звонил Биллу, чтобы выяснить, действительно ли она отправилась в Афганистан. Все это непременно попало в мое персональное досье. А теперь и эта сволочь тоже знает о ней. Он без сомнения воспользуется столь значимым фактом.

– Я обладаю некоторыми сведениями об этой стране, – осторожно ответил он, а потом вспомнил стихотворные строки Киплинга и процитировал:

Если ранен ты, брошен на верную смерть,
На афганской равнине тебе суждено умереть.
Так не жди, пока местная баба добьет.
А умри как солдат, сунув ствол себе в рот⁷.

Впервые Уиндерман не сдержался и выдал чувство неловкости.

– Да уж, после того, как вы два года выдавали себя за поэта, должно быть, успели нахвататься много подобных виршей.

– Как и афганцы, – сказал Эллис. – Они все поэты. Как французы поголовно гурманы, а валлийцы – певцы.

– Неужели?

– Это потому, что они не умеют ни читать, ни писать. Поэзия – это устная форма творчества. – Уиндерман на глазах делался все более нетерпеливым. В его рабочий график разговоры о поэзии никак не вписывались. Но Эллис продолжал: – Конечно, афганцы дикий, грубый и неистовый горный народ, еще даже не вышедший из Средневековья. Судя по рассказам, они нарочито вежливы, отважны, как львы, и безжалостно жестоки. Их страна сурова, засушлива и почти лишена плодородной почвы. А вы-то сами что о них знаете?

– Никаких подлинных афганцев на самом деле не существует, – ответил Уиндерман. – Есть шесть миллионов пуштунов на юге, три миллиона таджиков на западе, миллион узбеков на севере, и прибавьте еще примерно дюжину других национальностей, чья численность не превышает миллиона. Современные границы мало что для них значат. Таджики живут в Советском Союзе, а пуштуны заселили часть Пакистана. Многие народности еще и поделены на различные племена. В этом они схожи с нашими индейцами, которые никогда не считали себя американцами, а только апачами, кроу или сиу. И они с такой же злостью сражаются между собой, как и с русскими. Наша задача – объединить их апачей и сиу против бледнолицых.

– Понимаю, – кивнул Эллис. Он мог пока лишь гадать, каким образом они приплетут сюда Джейн. – Стало быть, самый важный вопрос: кому стать там Большим Вождем? – спросил он.

– Как раз это легкий вопрос. Наиболее многообещающим для нас лидером повстанцев среди всех остальных обещает стать Ахмед-Шах Масуд, базирующийся в долине Панишер.

А что по поводу долины Пяти Львов? К чему ты клонишь, грязный ублюдок? Эллис внимательно изучал гладко выбритое лицо Уиндермана. Но оно оставалось непроницаемым. Тогда Эллис спросил:

– Что конкретно до такой степени делает Масуда особенным?

– Большинство других предводителей удовлетворены тем, что держат под контролем свои племена, собирают подати и не допускают на свои территории представителей центрального правительства страны. Масуд же стремится к большему. Он совершает вылазки из опорных пунктов в горах и атакует. Он находится на расстоянии, удобном для нанесения мощных ударов по трем стратегическим целям: столице страны Кабулу, туннелю Саланг, расположенному на единственной настоящей дороге, связывающей Кабул с Советским Союзом, и Баграму – самому крупному аэродрому советских военно-воздушных сил. Он способен наносить врагу существенный урон и наносит его. Он изучал тонкости искусства ведения партизанской войны, читал сочинения Мао. Его с полным правом можно считать лучшим в стране военным стратегом. И он располагает собственными источниками финансирования. В его долине ведется добыча изумрудов, которые продают через Пакистан. Масуд забирает себе десять процентов дохода с продаж и пускает деньги на содержание своей армии. Ему всего двадцать восемь лет. Наделен неотразимым обаянием. Люди там почти обожествляют его. И к тому же он –

⁷ Строфа из стихотворения Р. Киплинга «Молодой британский солдат». Перевод И. Моницева.

таджик. Самую крупную часть населения составляют пуштуны, но все остальные ненавидят их, а потому подлинный лидер не может быть из пуштунов. Таджики являются второй по численности национальностью. И есть шанс, что все объединятся в единое целое под предводительством именно таджика.

– А нам бы хотелось облегчить и ускорить этот процесс объединения?

– Совершенно правильный вывод. Чем сильнее и многочисленнее отряды повстанцев, тем больше вреда они наносят русским. Кроме того, в этом году нам бы очень пригодилась триумфально завершившаяся операция американского разведывательного сообщества.

Для таких, как Уиндерман и ему подобных, не имеет никакого значения, что афганцы борются за свою свободу против жестоких захватчиков, подумал Эллис. Высокая мораль давно вышла в Вашингтоне из моды. Игры в схватке за власть в самых США – только они ставились превыше всего. Если бы Уиндерман родился не в Лос-Анжелесе, а в Ленинграде, он стал бы таким же удачливым, преуспевающим и могущественным, причем прибегал бы к тем же методам, воюя на стороне своих нынешних врагов.

– Чего вы хотите от меня лично? – теперь уже прямо спросил Эллис.

– Мне необходимы ваши ум и опыт. Существует ли, на ваш взгляд, способ, с помощью которого внедренный нами агент под прикрытием сумел бы содействовать объединению различных афганских народностей и племен?

– Полагаю, что да, – ответил Эллис. В этот момент им подали главные блюда, прервав его и дав некоторое время на размышления. Когда же официант удалился, он продолжил: – Это должно быть возможно при условии, что им требуется нечто важное от нас. Как я догадываюсь, они нуждаются в нашем оружии, не так ли?

– В самую точку. – Уиндерман взялся за еду, но без особой охоты, словно человек, страдающий язвой желудка. Между небольшими порциями салата, которые он отправлял себе в рот, помощник президента сказал: – В настоящее время они покупают для себя оружие в Пакистане и переправляют через границу. Но там им удастся приобрести всего лишь копии английских винтовок Викторианской эпохи или даже настоящие винтовки, которым уже лет сто, но из них все еще можно стрелять. Разумеется, они снимают трофейные автоматы Калашникова с трупов советских солдат. Но им отчаянно не хватает хотя бы малокалиберной артиллерии, ручных противовоздушных ракетных установок и зениток, чтобы сбивать самолеты и вертолеты.

– Мы согласны снабдить их подобным вооружением?

– Да. Но только не напрямую. Нам необходимо скрыть свою поддержку, переправляя им оружие через посредников. Но это не проблема. Мы можем использовать в этих целях, например, Саудовскую Аравию.

– Ясно. – Эллис проглотил кусочек омара. Он был превосходно приготовлен. – Позвольте мне начать с того, что видится мне первым этапом. В каждой партизанской группе вам необходимо иметь крепкое ядро, состоящее из людей, которые знают Масуда, понимают его и доверяют ему. Эти люди затем войдут в контакт с Масудом и станут поддерживать с ним постоянную связь. Они будут наращивать свою активность постепенно. Сначала обмениваться информацией, затем тесно сотрудничать и наконец – координировать планы своих военных действий.

– Звучит неплохо, – заметил Уиндерман. – Как нам осуществить ваш первый этап?

– Я бы посоветовал Масуду организовать тренировочный лагерь в долине Пяти Львов. Каждая повстанческая группировка отправила бы туда нескольких своих молодых солдат, чтобы они сражались бок о бок с Масудом какое-то время и перенимали тактику, которая делает его операции столь успешными. Это опять-таки только увеличит их уважение и доверие к нему, если он действительно настолько хороший лидер, как вы считаете.

Уиндерман задумчиво кивнул.

– Такого рода предложение руководители племен могут принять, хотя отвергли бы любой план, предусматривающий их подчинение приказам Масуда.

– Есть какой-то один такой руководитель, чье сотрудничество особенно необходимо для создания альянса?

– Есть. На самом деле даже двое. Джахан Камиль и Амаль Азизи. Оба они пуштуны.

– В таком случае я бы послал нашего агента под прикрытием с целью убедить этих командиров сесть за стол переговоров с Масудом. Когда он вернется с документом, под которым будут стоять три подписи, мы отправим им первую партию пусковых установок ракет типа «земля – воздух». А дальнейшие поставки будут зависеть от того, насколько продуктивной окажется тренировочная программа.

Уиндерман отложил в сторону вилку и прикурил сигарету. У него определенно язва желудка, снова подумал Эллис.

– Все это очень близко к идеям, какие приходили в голову мне самому, – сказал он.

Эллис понял: он уже прикидывает, как приписать всю заслугу за разработку плана исключительно себе. Уже завтра утром он будет утверждать: «Мы придумали схему возможных действий вчера за обедом», но в письменном отчете подчеркнет: «Специалист по работе под прикрытием признал мою схему осуществимой».

– В чем может заключаться риск попытки осуществления такого плана? – спросил он затем.

Эллис задумался.

– Если русские захватят нашего агента, они получают значительные пропагандистские преимущества, огласив на весь мир предпринятые нами тайные действия. Сейчас у них в Афганистане возникло то, что в Белом доме принято называть «проблемой положительного имиджа». Даже их союзники в Третьем мире с откровенным неудовольствием восприняли советское вторжение на территорию небольшой и крайне отсталой страны. Их друзья, а мусульмане в особенности, склонны отдавать свои симпатии афганским повстанцам. Русские опираются в своих оправданиях на то, что так называемые борцы за свободу – это обычные бандиты, которых вооружает и финансирует ЦРУ. И они будут в восторге, если смогут доказать это, поймав реального шпиона из ЦРУ непосредственно в Афганистане, где и заставят его предстать перед судом. В масштабах глобальной политики, насколько я понимаю, это принесет нам крупный ущерб.

– И каковы же шансы, что русским удастся схватить нашего человека?

– Они невелики. Если им не под силу поймать Масуда, то с чего бы им легко вычислить и перехватить агента под прикрытием, посланного для встречи с Масудом?

– Это хорошо. – Уиндерман загасил сигарету в пепельнице. – Я хотел бы, чтобы таким агентом стали вы.

Эллиса он застал врасплох. А ведь мне следовало предвидеть, к чему в финале придет разговор, подумал он, но меня слишком захватили размышления над путями достижения поставленной цели.

– Я больше не выполняю такого рода заданий, – сказал он, но его слова звучали неубедительно, поскольку уже зародилась мысль: я наверняка смогу встретиться там с Джейн. Я непременно встречу с Джейн!

– Я разговаривал по телефону с вашим боссом, – сказал Уиндерман. – По его мнению, задание в Афганистане может стать для вас достаточно интересным, чтобы вернуться к активной деятельности.

Значит, его поймали в расставленные силки. Белый дом пожелал добиться значительного успеха в Афганистане. Они обратились в ЦРУ с просьбой выделить для них агента. ЦРУ же давно стремилось вернуть Эллиса к полевой работе, и там посоветовали предложить миссию

Эллису, подозревая или точно зная, что перспектива новой встречи с Джейн станет для него почти непреодолимым соблазном.

Эллис терпеть не мог, когда им так цинично манипулировали.

Но он отчаянно хотел теперь отправиться в долину Пяти Львов.

За столом воцарилось продолжительное молчание.

– Так вы согласны или нет? – нетерпеливо спросил затем Уиндерман.

– Я еще над этим подумаю, – ответил Эллис.

* * *

Отец Эллиса тихо отрыгнул, извинился и сказал:

– Было очень вкусно.

Эллис оттолкнул от себя тарелку с вишневым пирогом, увенчанным шапкой взбитых сливок. Впервые в жизни ему приходилось контролировать свой вес.

– Действительно, очень аппетитный пирог, мама, но я уже наелся до отвала, – извинился он.

– Никто больше не ест, как в былые времена, – отозвалась мать и начала убирать со стола. – А все потому, что люди повсюду перемещаются на автомобилях.

Отец отодвинул свой стул и поднялся.

– Мне нужно изучить кое-какие цифры.

– Ты так до сих пор и не обзавелся бухгалтером? – спросил Эллис.

– Никто не сможет позаботиться о твоих деньгах лучше, чем ты сам, – сказал отец. – Сам убедишься, когда заработаешь действительно много.

И он вышел из комнаты, направившись в свой кабинет, расположенный в полуподвале.

Эллис помог матери с уборкой. Семья переехала в этот дом на четыре спальни в Ти-Неке, штат Нью-Джерси, когда Эллису было тринадцать лет, он помнил подробности переезда, словно все было только вчера. Они ведь очень долго ждали возможности переселиться сюда. Дом возводил отец. Очень медленно, потому что делал это поначалу самостоятельно и лишь позже стал привлекать рабочих из своей разросшейся строительной фирмы, но трудились они в периоды затишья, а как только требовали интересы бизнеса, переходили на другие объекты. И даже когда они уже въехали, в доме оставалось множество недоделок. Не функционировало отопление, в кухне не успели оборудовать стенные шкафы, а стены не покрасили как следует. Горячую воду дали на следующий день, но только потому, что мама пригрозила в противном случае подать на развод. Разумеется, в итоге все было завершено, и Эллис, как и его брат с сестрой, получили по собственной комнате, где благополучно выросли. Дом теперь стал слишком велик только для отца с матерью, но Эллис надеялся, что они сохранят его. В нем всегда царила поразительно приятная атмосфера.

Когда они загрузили посудомоечную машину, он спросил:

– Мам, ты помнишь тот чемодан, который я оставил здесь, вернувшись из Азии?

– Конечно. Он хранится в стенном шкафу малой спальни.

– Спасибо. Мне бы хотелось посмотреть, что там лежит.

– Так отправляйся туда. Я сама закончу с посудой и уборкой.

Эллис поднялся по лестнице и вошел в крохотную спальню под самой крышей дома. Ее ныне использовали редко. На единственную узкую кровать навалили два сломанных стула, старенький диванчик и несколько картонных коробок с детскими книжками и игрушками. Эллис открыл стенной шкаф, достал оттуда небольшой черный чемодан из пластика, положил его на кровать, набрал цифровую комбинацию замка и поднял крышку. Пахнуло плесенью. Чемодан не открывали почти десять лет. Все оказалось на месте: медали, обе пули, извлеченные из него хирургами, армейское руководство под номером ФМ 5–13, озаглавленное «Мины-ловушки»,

фотография Эллиса рядом с его вертолетом, самым первым из нескольких. На снимке Эллис улыбался, выглядел очень молодым (о, дьявол!), худощавым и стройным. Была там еще записка от Фрэнки Амальфи: «Ты тот гад, который украл у меня ногу» – шутка отважного человека, а суть состояла в том, что когда Эллис осторожно расшнуровал башмак напарника и потянул его, вместе с обувью у него в руках оказалась ступня и почти вся нога, случайно отрубленная слетевшей с крепления лопастью вертолета. И часы Джимми Джонса, навсегда остановившиеся в половине шестого. «Лучше ты сбереги их, сынок, – сказал Эллису отец Джимми, вечно пьяный вдрызг, – потому как ты был ему другом, а я так и остался чужаком». И дневник.

Он перелистал его страницы. Ему требовалось прочесть всего несколько слов, чтобы припомнить подробности боя, целого дня или даже недели. Дневник он начал бодрым тоном, с восторгом от новизны впечатлений, от духа владевшего им увлекательного приключения, от переполнявшей его уверенности в себе, но затем постепенно в записи начали проникать разочарование, отрезвление, чувство опустошенности, отчаяния и даже самоубийственные настроения. Мрачные фразы оживляли в памяти сцены прошлого: «Эти чертовы арвины⁸ не хотят даже вылезать из вертолета. Если они действительно стремятся спастись от коммунистов, то почему не идут сражаться?» Затем: «Капитан Джонсон всегда был законченным говном, как я полагал, но до чего же чудовищная смерть! Пасть от гранаты, брошенной одним из своих же солдат!»

И дальше: «Женщины прячут ружья под юбками, а каждый мальчишка держит под рубашкой лимонку. Как воевать с этим народом? Что нам остается? Только сдаться?» И последняя запись: «Проблема нашего участия в этой войне заключается в том, что мы оказались не на той стороне линии фронта. Мы здесь «плохие парни». Вот почему молодежь стала повально уклоняться от призыва в армию, вот почему вьетнамцы с юга не желают идти в бой, вот почему нам приходится убивать женщин и детей, вот почему генералы врут политикам, политики врут репортерам, а газеты обманывают публику». После чего его мысли приняли уже столь крамольный оборот, что их нельзя было даже доверить бумаге, а чувство вины больше не затихало, просто выраженное в написанных словах. Ему всей будущей жизни казалось мало для искупления грязных дел, которые он натворил во время той войны. И даже спустя много лет он по-прежнему так думал. Он подсчитывал, скольких убийц посадил за решетку с тех пор, скольких арестовал похитителей людей, угонщиков самолетов и прочих террористов, но они вместе взятые и близко не уравнивали тонны мин и бомб, сброшенных им, тысячи патронов, расстрелянных во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Иррациональное мышление, однажды осознал он. Вот что это такое. Но осознание пришло к нему только после возвращения из Парижа, когда у него появилось время основательно все оценить и ясно увидеть, как прежняя служба в буквальном смысле слова разрушила его жизнь. И лишь после этого он решил прекратить старания искупить в одиночку прегрешения всей Америки. Но новое предложение... Оно было совсем иного рода. Ему предоставлялся шанс сражаться за простых людей, противостоять лживым генералам и властителям мира сего, продажным журналистам. Шанс не просто бороться, но внести свой очень скромный вклад в правое дело, но изменить действительное многое, повлиять на ход всей войны, определить дальнейшую судьбу целой страны и нанести в конечном счете мощный личный удар в схватке за свободу.

А ведь была еще Джейн, разумеется.

Одной лишь вероятности увидеться с ней опять оказалось достаточно, чтобы заново воспламенить в нем прежнюю страсть. Всего несколько дней назад он был способен вспомнить о Джейн, об опасностях, которым она подвергалась, но тут же мог выбросить эти мысли из головы и перевернуть страницу журнала. А сейчас он не мог прекратить думать о ней. Он гадал,

⁸ Арвинами американцы называли военнослужащих армии Южного Вьетнама, сокращенно именовавшейся ARVN.

короткую или длинную прическу она теперь носит, поправилась или похудела, нравилось ли ей то, чем она стала заниматься, пришлась ли она по нраву афганцам, но самое главное – была ли она по-прежнему влюблена в Жан-Пьера? «Прислушайся к моему совету. Проверь, как у нее сложились дела с доктором», – сказала Джилл. Мудрая Джилл.

Наконец он не мог не думать и о Петал тоже. Я старался, говорил он сам себе, я прилагал большие усилия и, как мне кажется, ничего не испортил, но это был план, обреченный на неудачу с самого начала. Джилл и Бернард давали ей все, в чем она нуждалась. Для меня в ее жизни не осталось места. Она вполне счастлива и без меня.

Он закрыл дневник и сунул в чемодан. Затем достал маленькую и дешевую коробочку для ювелирных изделий. Внутри лежала пара золотых сережек с жемчужинами в центре каждой. Женщина, для которой они предназначались, девушка с узким разрезом глаз и с почти плоской грудью, объяснившая ему, что в любви не существует никаких табу, погибла, убитая пьяным солдатом в одном из баров Сайгона, прежде чем получила этот подарок. Он не любил ее по-настоящему. Она ему нравилась и вызывала в нем чувство благодарности. Сережки должны были стать прощальным знаком внимания от него.

Он взял простую открытку и вынул авторучку из кармана рубашки. Задумался на минуту, а потом написал:

«Петал! Да, ты можешь проткнуть себе уши. С любовью. Папа».

Глава шестая

Вода в реке Пяти Львов никогда не бывала теплой, но сейчас не казалась и особенно холодной приятным вечером после жаркого дня, когда женщины спустились к предназначенному только для них участку берега, чтобы искупаться и помыться. Джейн стиснула зубы от прохлады и вместе с остальными вошла в реку, поднимая дюйм за дюймом подол платья по мере того, как река становилась глубже, пока вода не достигла уровня ее талии, а потом начала мыть. Долгая практика научила ее особенному для афганских леди способу смывать с себя грязь, никогда не раздеваясь полностью.

Закончив, она выбралась на берег и встала рядом с Захарой, которая мыла волосы в заводи с плеском и множеством разлетающихся в разные стороны брызг, но при этом поддерживала оживленный разговор. Захара в последний раз окунула голову в воду и потянулась за полотенцем. Она ощупывала прибрежный песок, но полотенца найти не могла.

– Где мое полотенце? – воскликнула она. – Я же положила его в эту ямку. Кто украл его?

Джейн подняла полотенце, лежавшее у Захары за спиной, и сказала:

– Просто ты сунула его не туда.

– Это именно то, что жена муллы постоянно твердит своему мужу, – громко отпустила шутку Захара, и все остальные просто зашлись от хохота.

Джейн уже была принята в круг этих крестьянок как одна из своих. Последние намеки на сдержанность и опаску исчезли после рождения Шанталь. Казалось, им требовалось только это, чтобы удостовериться, что Джейн – обычная женщина, похожая на любую из них. Разговоры у реки неизменно становились на удивление откровенными. Возможно, так происходило потому, что рядом не было детей, оставленных на попечение сестер или бабушек, но в значительной степени причиной мог служить открытый нрав именно Захары. Ее зычный голос, блеск в глазах, гулкий и заразительный смех доминировали и создавали расслабленную атмосферу. Джейн несколько не сомневалась: здесь она становилась экспансивной и открытой, поскольку ей приходилось подавлять все истинные проявления своей индивидуальности в течение остального дня. Она обладала несколько вульгарным чувством юмора, какого Джейн не обнаруживала прежде у других афганцев обоих полов, но даже ее грубоватые ремарки и двусмысленные шутки зачастую служили поводами для вполне серьезных обсуждений. И это порой давало Джейн возможность превратить вечернее купание в импровизированный урок ухода за своим здоровьем. Контроль над рождаемостью числился среди наиболее популярных тем, хотя женщин Банды неизменно больше интересовало, как им скорее забеременеть, нежели способы предохранения. Однако постепенно они все больше проникались пониманием идеи, активно пропагандировавшейся Джейн, что женщина получала возможность гораздо лучше выкормить и выходить ребенка, если рожала с интервалом в два года, а не каждые двенадцать или пятнадцать месяцев. Например, вчера речь зашла о менструальном цикле, и выяснилось, что афганские женщины считали наиболее благоприятным временем для зачатия периоды непосредственно до или сразу после менструации. Джейн объяснила: лучшие дни – с двенадцатого по шестнадцатый, и ей, как показалось, поверили, хотя ее тревожило подозрение, что они продолжали считать такое мнение ошибочным, но вежливость не позволяла им возражать и вступать в споры.

Сегодня у реки царило легкое и радостное возбуждение. Должен был вернуться очередной караван из Пакистана. Мужчины обязательно привезут подругам скромные предметы роскоши – кому шаль, кому апельсины, кому яркие пластмассовые браслеты, – наряду, разумеется, с гораздо более важным грузом оружия, боеприпасов и взрывчатки для ведения боевых действий.

Муж Захары Ахмед Гуль, один из сыновей повитухи Рабии, возглавлял караван, и Захара не могла скрыть приятного волнения от ожидания скорой встречи с ним. Пока они жили вместе, внешне напоминали все афганские супружеские пары. Она больше молчала и неукоснительно подчинялась мужу, а он при случае показывал свою власть над ней. Но Джейн замечала, как они смотрели друг на друга, и понимала, что они по-настоящему любят друг друга, а судя по некоторым рассказам Захары, их любовь носила характер интенсивной физической близости. Сегодня она почти сгорала от снедавшего ее желания и яростно сушила волосы полотенцем, вкладывая в этот процесс даже излишне много энергии. Джейн ее прекрасно понимала. Она порой тоже испытывала подобные ощущения. Они, быть может, потому и стали близкими подругами, что распознали родство своих душ.

На теплом и пыльном воздухе кожа Джейн высохла почти мгновенно. Стоял самый разгар лета, и каждый день становился долгим, жарким и сухим. Хорошая погода продержится еще месяц или два, зато остальная часть года будет очень холодной.

Захару все еще интересовала тема вчерашнего разговора. Она ненадолго перестала сушить волосы, чтобы сказать:

– Что бы вы там ни говорили, но лучший способ забеременеть состоит в том, чтобы заниматься ЭТИМ каждый день.

С ней сразу согласилась Халима – мрачноватая, темноглазая жена Мохаммеда Хана:

– А лучший способ не забеременеть – не заниматься ЭТИМ никогда.

Она родила четверых детей, но только один из них – Муса – был мальчиком, отчего Халима очень расстроилась, узнав, что Джейн не может дать совет, как увеличить шансы зачать именно мальчика.

– Как же ты иначе примешь своего супруга, когда он вернется домой после шести недель отсутствия с конвоем? – спросила Захара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.